

К-14038

П308165

ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

268 '85

ИСТОРИЯ СССР
И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

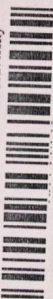
»ВИЩА ШКОЛА«

1 р. 30 к.

Вестн. Харьк. ун-та, 1985, № 268, 1—137.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00257458

1

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Куделко С. М.</i> Теоретические вопросы истории построения материально-технической базы социализма в СССР (60—80-е годы)	3
<i>Шевченко Р. И.</i> Роль международных связей СССР в патриотическом и интернациональном воспитании трудящихся (60-е годы)	6
<i>Страшнюк С. Ю.</i> Сотрудничество Союзов архитекторов СССР и НРБ в 1971—1983 гг.	14
<i>Козлитин В. Д.</i> Историография советско-югославских культурных связей в 1917—1941 гг.	22
<i>Попов Г. Н., Кравченко А. В.</i> Советско-югославское сотрудничество в сфере художественной литературы (1971—1983 гг.)	27
<i>Згурский Г. В.</i> Всероссийская сельскохозяйственная выставка 1887 г. в Харькове	32
<i>Авраменко А. М.</i> Соотношение помещичьего и крестьянского землевладения на Левобережной Украине накануне первой русской революции	38
<i>Чувило А. А.</i> Индийская буржуазная историография о роли М. К. Ганди в национально-освободительном движении	48
<i>Пахомов В. Ф.</i> Победа Народного единства в Чили (1970 г.)	54
<i>Голубкин Ю. А.</i> Некоторые вопросы периодизации истории раннебуржуазной революции в Германии	61
<i>Гаврюшенко А. А.</i> Общественно-политические взгляды Ф. Меланхтона в 1520—1521 гг.	68
<i>Шрамко Б. А.</i> Жилище VI в. до н. э. на Бельском городище	74
<i>Бойко Ю. Н.</i> Системный подход к изучению общественного развития населения днепровского лесостепного Левобережья в VII—III вв. до н. э.	3
<i>Грубник-Буйнова Л. П., Косиков В. А.</i> К вопросу о центрах производства некоторых уздечных блях скифского периода	89
<i>Кадеев В. И., Сорочан С. Б.</i> Египетские и сирийские светильники первых веков н. э. из Херсонеса	95
<i>Латышева В. А.</i> Некоторые итоги раскопок поселения Маслины в Северо-Западном Крыму	100
<i>Сергеев И. П.</i> Заключительный этап гражданской войны 193—197 гг. в Римской империи	108
<i>Шмалко А. В.</i> Римское управление Вифинией-Понтом в I в. н. э.	113
<i>Дьячков С. В.</i> Некоторые вопросы социально-политической истории Ольвии I—III вв. н. э. (по ономастическим данным)	120
<i>Буйнов Ю. В., Кузьменко А. С.</i> Опыт применения многомерного анализа данных о погребальном обряде для реконструкции социальной структуры населения Среднего Приднепровья в VIII—VI вв. до н. э.	129

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 268

**ИСТОРИЯ СССР
И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

Основан в 1966 г.

Харьков
Издательство при Харьковском
государственном университете
издательского объединения «Вища школа»
1985

В вестнике рассматриваются некоторые теоретические вопросы истории построения материально-технической базы социализма в СССР, освещается сотрудничество СССР с социалистическими странами в области культуры. Ряд статей посвящен отдельным проблемам дореволюционной отечественной истории, археологии, истории древнего мира и средних веков.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов

Редакционная коллегия: В. И. Кадеев (отв. ред.), Ю. А. Голубкин (отв. секр.), А. Е. Кучер, Г. Н. Попов, И. К. Рыбалка, И. Л. Шерман

Ответственный за выпуск В. И. Кадеев

Печатается по решению Ученого совета исторического факультета Харьковского государственного университета от 16 декабря 1983 г.

Адрес редакционной коллегии: 310077, Харьков-77, пл. Дзержинского, 4, университет, исторический факультет, тел. 40-17-78

Редакция гуманитарной литературы

ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 268

История СССР и зарубежных стран

Редактор В. Н. Гвоздей
Художественный редактор В. Е. Петренко
Технический редактор Л. Т. Ена
Корректор В. Л. Светличная

Н/К

Сдано в набор 29.10.84. Подп. в печать 05.02.85. БЦ 09150. Формат 60×90/16. Бумага типогр. № 3. Лит. гарн. Выс. печать. 8,5 печ. л. 8,75 кр.-отт. 9 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. Изд. № 1271. Зак. 1669. Цена 1 р. 30 к.

Издательство при Харьковском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16
Харьковская городская типография № 16, 310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16

0501000000-020
В М226 (04)-85

K-14038

© Харьковский государственный университет, 1985

Центральная научная библиотека ХГУ
ИЗД. № 308165

С. М. КУДЕЛКО

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ПОСТРОЕНИЯ
МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ СОЦИАЛИЗМА
В СССР (60—80-е годы)**

В условиях, когда перед нашим обществом стоит задача «развить свои производительные силы до уровня материально-технической базы коммунизма» [3, с. 15], предшествующий опыт создания материально-технической базы социализма привлекает к себе самое пристальное внимание исследователей [5; 9; 11]. Можно с полным основанием утверждать, что советская общественная наука, как и прежде, занимает ведущие позиции в деле разработки теории социализма. Это в полной мере относится и к историографическим исследованиям. В то же время, несмотря на успехи советских историков в изучении данной проблемы, ее отдельные аспекты нуждаются в дальнейшей разработке. Как отмечал Ю. В. Андропов, «все более мы ощущаем... потребность в серьезных исследованиях в области политической экономии социализма» [3, с. 22].

Высказывалось мнение, что материально-техническая база социализма в нашей стране была создана в 1926—1937 гг. [12, с. 6] и, следовательно, начало ее создания следует отнести к 1926 г. В данном случае отождествляются социалистическая индустриализация и материально-техническая база социализма, что представляется неверным. Между тем эта точка зрения была широко распространена до второй половины 60-х годов, термины «материально-техническая база социализма» и «социалистическая индустриализация» употреблялись как синонимы. Тщательно продуманная периодизация создания материально-технической базы социализма раскрывает необоснованность такого подхода. Первый период — вызревание материальных и технических предпосылок в недрах капитализма, особенно на его империалистической стадии. В. И. Ленин отмечал, что «государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его» [1, т. 34, с. 193]. Второй — период непосредственного строительства материально-технической базы социализма. Он начался в 1917 г. и в основном завершился во второй половине 30-х годов. Этот период состоит из двух отчетливо разграничивающихся этапов: первый (1917—1925 гг.) — перестройка и восстанов-

ление промышленности после первой мировой, гражданской войн и империалистической интервенции; второй (1926—1937 гг.) — собственно создание материально-технической базы социализма. Предложенная схема отражает общие черты строительства материально-технической базы социализма и специфику этого процесса в нашей стране.

Правильное понимание этапов строительства материально-технической базы социализма позволяет верно оценивать перспективы социалистического строительства в странах, находящихся на разных уровнях экономического развития. Исходный уровень создания материально-технической базы социализма — один из наиболее важных теоретических вопросов, с первых дней Советской власти находящийся в центре идеологической борьбы. Если в 20—30-х годах споры велись о достаточности или, наоборот, недостаточности экономических предпосылок для построения социализма в СССР, то после успешного завершения строительства основ социалистического общества во второй половине 30-х годов на первый план выдвинулся вопрос о международном значении опыта СССР. Наши идейные противники упорно стремятся перечеркнуть или умалить всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР, на которое не раз указывал В. И. Ленин [1, т. 45, с. 136—137], доказать, что опыт СССР приемлем лишь для слаборазвитых стран, да и то с некоторыми оговорками.

Часть советских историков, занимающихся изучением переходного от капитализма к социализму периода, довольно низко оценивают уровень экономического развития предреволюционной России [8, с. 55—56]. Между тем по размерам национального богатства и национального дохода Россия находилась на четвертом месте в мире, уступая лишь США, Германии и Англии. По протяженности железнодорожной сети, добыче нефти, марганца, грузообороту всех видов транспорта, объему сельскохозяйственного и текстильного производства Россия занимала 1—3 места, по производству стали, обуви, сахара, объему машиностроительной продукции — четвертое [10, с. 25, 60—61; 13, т. 13, стб. 579; 14, с. 123].

Изыскивая аргументы в пользу экономической отсталости России, некоторые авторы приводят факты о ее финансовой зависимости от других капиталистических государств [6, с. 10]. Однако анализ показывает, что в действительности в России на душу населения приходилось почти столько же иностранных капиталовложений, сколько в Англии, и в 3 раза меньше, чем в США, в 5 раз меньше, чем в Австро-Венгрии, и т. д. [15, S. 112].

Характерно, что основные экономические показатели России обычно сравниваются с соответствующими показателями ведущих капиталистических держав — США, Англии, Германии, Франции. Россия была одной из ведущих капиталистиче-

ских стран, и очевидно, что ее опыт социалистической революции и строительства социализма в известной степени универсален, вопреки утверждениям наших буржуазных оппонентов. Думается, что наша наука еще не располагает достаточно четкими, выверенными данными, которые бы показывали положение предреволюционной России среди других государств мира. В. И. Ленин считал Россию первоклассной капиталистической державой [2, с. 335], в которой были все условия для созревания материальных, технических предпосылок социалистической революции. Игнорирование этого факта, особенно частое в публицистических статьях, приводит к тому, что переоценивается роль субъективного фактора и тем самым искажается ленинская теория социалистической революции. Для советских обществоведов важное методологическое значение имеет вывод, что дореволюционная Россия не была самым развитым государством мира [3, с. 11]. Именно такая формулировка наиболее верно отражает действительное место России среди других империалистических держав.

Для понимания сущности материально-технической базы социализма важно правильно определить место социалистической индустриализации, выяснить соотношение этих категорий. Понятие «материально-техническая база» шире понятия «индустриализация». Как показывает опыт ряда стран, индустриализация в условиях социализма нужна для слабо- и среднеразвитых государств. Но ею отнюдь не исчерпываются задачи по построению материально-технической базы социализма.

Дальнейшее изучение переходного от капитализма к социализму периода позволило уточнить и такой немаловажный вопрос, как отличие социалистической индустриализации от капиталистической. Было пересмотрено мнение, что социалистическая индустриализация, в отличие от капиталистической, должна начинаться с тяжелой промышленности. В отечественной литературе часто делался акцент на том, что в отличие от буржуазных стран в СССР индустриализация проходила без помощи извне [4, с. 12—13]. И в этом, полагали, заключается одна из отличительных черт социалистической индустриализации. Но Великобритания, которая первой в мире завершила индустриализацию капиталистического типа, также никто не оказывал помощи. Что касается России, то в ней индустриализация началась как капиталистическая, а завершилась в эпоху социализма как индустриализация социалистического типа. Буржуазная Россия была государством с незавершенной индустриализацией. В 1913 г. доля промышленности в совокупном общественном продукте России составляла 42,1% [13, т. 6, стб. 20]. Таким образом, индустриализацию следует рассматривать как составную часть создания материально-технической базы социализма.

В. И. Ленин указывал, что «только путем ряда попыток, — из которых каждая, отдельно взятая, будет односторонняя, будет

страдать известным несоответствием, — создастся цельный социализм из революционного сотрудничества пролетариев *всех стран*» [1, т. 36, с. 306]. Современный этап исторического развития дает примеры таких попыток в ряде государств Европы, Азии и Америки. Анализ этих «попыток» пополнит, с одной стороны, марксистско-ленинскую теорию построения социализма, а с другой — позволит глубже осмыслить наш собственный опыт. Дальнейшее изучение переходного от капитализма к социализму периода способно обогатить марксистско-ленинскую общественную науку.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Ленинский сборник XXII. 3. Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. — Коммунист, 1983, № 3, с. 9—22. 4. Барышников Н. Социалистическая индустриализация. — Новое время, 1967, № 33, с. 12—15. 5. Бутенко А. П. Социализм как общественный строй. М., 1974. 287 с. 6. Дьяченко В. П. История финансов СССР (1917—1950 гг.). М., 1978. 493 с. 7. Есипов Н. С. Промышленное строительство в ранее отсталых странах. (Исторический опыт советской Киргизии). Фрунзе, 1962. 323 с. 8. Кукин Д. М. Ленинский план построения социализма в СССР и его осуществление. М., 1972. 223 с. 9. Кульчицкий С. В. Внутренние ресурсы социалистической индустриализации СССР (1926—1937). К., 1979. 255 с. 10. Мы и планета. Цифры и факты. М., 1982. 224 с. 11. От капитализма к социализму. Основные проблемы истории переходного периода в СССР. 1917—1937 гг./Под ред. Ю. А. Полякова. М., 1981. Т. 1. 519 с.; Т. 2. 440 с. 12. Роль социалистической индустриализации в развитии автономных республик Российской Федерации / Под ред. Ф. Л. Саяхова. Уфа, 1974. 216 с. 13. Советская историческая энциклопедия. М., Т. 6. 1022 стб.; Т. 13. 1024 стб. 14. Хромов П. А. Экономическая история СССР. М., 1982. 240 с. 15. Atlas zur Geschichte. B. I. — Gotha—Leipzig, 1973. 256S.

Поступила в редколлегию 17.10.83.

Р. И. ШЕВЧЕНКО, канд. ист. наук

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ СССР В ПАТРИОТИЧЕСКОМ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМ ВОСПИТАНИИ ТРУДЯЩИХСЯ (60-е годы)

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии подчеркивается: «Священный долг партии — воспитывать трудящихся в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма, гордого чувства принадлежности к единой великой Советской Родине» [2, с. 57]. Июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС определил пути этой работы: «На переднем плане здесь должно находиться освещение деятельности КПСС и Советского государства по дальнейшему развитию братских связей стран социализма» [3, с. 51].

В последние годы появились исследования, освещающие интернациональные связи трудящихся СССР и зарубежных стран [5; 6]. Однако роль международных связей в патриотическом и интернациональном воспитании трудящихся в условиях раз-

витого социализма показана все еще недостаточно. Наиболее удачной попыткой восполнить этот пробел является сборник «Социалистический интернационализм в действии» [8], материалы которого раскрывают связи братских стран социализма, знакомят с конкретным опытом организации интернационального воспитания. Однако в сборнике затронуты далеко не все аспекты вопроса. Особый интерес представляет изучение опыта прошлых лет. В данной статье рассматривается роль международных связей в патриотическом и интернациональном воспитании трудящихся в 60-е годы.

На XXII съезде КПСС, проходившем в 1961 г., указывалось: «Коммунисты считают своей первостепенной обязанностью воспитывать трудящихся в духе интернационализма и социалистического патриотизма, непримиримости к любым проявлениям национализма и шовинизма» [4, с. 212]. Состоявшийся в 1966 г. XXIII съезд КПСС вновь указал на важность этой работы.

Вопросы патриотического и интернационального воспитания трудящихся находились в центре внимания КПСС и Советского правительства, республиканских и местных партийных и советских органов, комсомольских, профсоюзных и других общественных организаций. Руководствуясь решениями XXII и XXIII съездов КПСС, партийные организации в 60-е годы принимали постановления о праздновании годовщин освобождения социалистических государств от фашистских захватчиков, заключения договоров дружбы и сотрудничества между СССР и зарубежными странами, о приеме зарубежных делегаций и др., рассматривали и утверждали мероприятия, направленные на воспитание патриотических и интернациональных чувств трудящихся. Так, Харьковский обком Компартии Украины в марте 1963 г. рассмотрел вопрос «О мероприятиях в связи с 20-летием боев в селе Соколово Змиевского района Харьковской области», в которых принимали участие советские и чехословацкие воины [14, ф. 10924, оп. 2, д. 45, л. 10], в июле 1964 г. — «О праздновании 20-летия Польской Народной Республики» [14, ф. 10924, оп. 4, д. 56, л. 19], в апреле 1965 г. — «Об ознаменовании 20-й годовщины освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков» [14, ф. 2, оп. 123, д. 47, л. 15], в мае 1967 г. — «О праздновании 22-й годовщины освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков» [14, ф. 2, оп. 135, д. 20, л. 25].

28 сентября 1964 г. исполнилось 100 лет со дня основания I Интернационала, создателями которого были К. Маркс и Ф. Энгельс. «Первый Интернационал, — писал В. И. Ленин, — заложил фундамент пролетарской, международной борьбы за социализм» [1, с. 303]. 16 января 1964 г. ЦК КПСС принял постановление «О столетии со дня основания I Интернационала» [4, с. 469]. В марте 1964 г. аналогичные постановления приняли Сумской [16, ф. 7483, оп. 1, д. 92, л. 114], Харьковский [14, ф. 10924, оп. 4, д. 49, л. 3] и другие обкомы партии. В горо-

дах прошли торжественные собрания партийного, комсомольского и профсоюзного актива, лекции и беседы для трудящихся о I Интернационале, о КПСС.

Комсомольские организации также вели работу по укреплению дружбы трудящихся СССР и зарубежных стран, патристическому и интернациональному воспитанию молодежи. 16 августа 1966 г. на заседании Секретариата ЦК ЛКСМ Украины был рассмотрен вопрос «Об участии комсомольских организаций республики в осуществлении дружественных связей областей и городов Украины с областями, округами, воеводствами и городами социалистических стран и прогрессивными молодежными организациями капиталистических стран» [13, ф. 7, оп. 18, д. 121, л. 2]. Вопросы патристического и интернационального воспитания трудящихся обсуждались и в профсоюзных организациях. В ноябре 1965 г. об этом говорилось на V съезде профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений [19, ф. 514, оп. 1, д. 491, л. 55, 65].

Одна из наиболее действенных форм укрепления международных связей трудящихся — обмен делегациями. В исследуемый период с каждым годом увеличивалось количество делегаций, прибывающих в СССР из различных стран и отъезжающих из СССР в другие страны, — партийно-правительственных, молодежных, профсоюзных, спортивных и т. д. Это можно показать на примере обмена делегациями молодежных организаций. Так, в 1956 г. в СССР приезжали 30 молодежных делегаций, в 1962—56, в 1966 г. — 90, а в 1969 г. — уже 199 делегаций из 63 стран мира. Советский Союз в свою очередь также с каждым годом все большее число делегаций посылал за границу. Если в 1966 г. их было послано 38, то в 1969 г. — уже 119 делегаций, которые побывали в 40 капиталистических и развивающихся странах [6, с. 222].

Комсомольские организации Украины на протяжении всего исследуемого периода принимали активное участие в осуществлении дружеских связей областей и городов республики с областями, округами, воеводствами и городами ПНР, ЧССР, ГДР, ВНР, НРБ. В 60-е годы стали традиционными связи комсомольских организаций 19 областей УССР с братскими молодежными организациями семи воеводств ПНР, двух округов ГДР, трех областей ЧССР, трех областей ВНР и шести округов НРБ [13, ф. 7, оп. 18, д. 121, л. 2]. Через молодежные комиссии местных Советов депутатов трудящихся комсомольские организации поддерживали контакты с молодежными комиссиями муниципалитетов и прогрессивными молодежными организациями ряда капиталистических стран — Англии, Франции, Финляндии, Бельгии, Японии [13, ф. 7, оп. 18, д. 121, л. 2].

О той же тенденции свидетельствует развитие международных связей трудящихся СССР по линии ДОСААФ. Количество зарубежных гостей, побывавших в СССР по приглашению

ДОСААФ, в 1966 г. возросло по сравнению с 1961 г. почти в 2 раза, а количество советских граждан, побывавших за рубежом по направлению этой организации, увеличилось за данный период более чем в 2,5 раза [18, оп. 1, д. 603, л. 47, д. 894, л. 173].

В исследуемый период интенсивный обмен делегациями происходил между профсоюзными организациями. Так, в 1961—1962 гг. ЦК профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений СССР поддерживал связи с 96 организациями 50 стран. Только в 1961 г. Советский Союз посетили 38 делегаций из 29 стран, а за границу по приглашению зарубежных профорганизаций и различных международных организаций выезжало 17 делегаций этого профсоюза [17, ф. 5462, оп. 32, д. 364, л. 10]. В 1965 г. ЦК профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений СССР поддерживал дружеские контакты со 100 родственными профсоюзными организациями в 51 стране [19, ф. 514, оп. 1, д. 491, л. 55].

В 60-е годы стал традиционным приезд зарубежных делегаций на празднование юбилеев Советской власти и других знаменательных дат в жизни советского народа. В ноябре 1967 г. на празднование 50-летия Великого Октября в Донецк приезжали делегации Катовицкого воеводства ПНР во главе с секретарем воеводского комитета ПОРП, округа Магдебург ГДР во главе с секретарем окружного комитета партии, представители НРБ [22, ф. Р-2794, оп. 2, д. 1596, л. 2], а в Ростов-на-Дону приезжала делегация из финского города-побратима Каяни [23, ф. Р-1827, оп. 9, д. 39, л. 6].

Действенной формой установления международных связей трудящихся является туризм. Республиканские и областные профсоюзные организации страны вели активную работу по комплектованию туристских групп, выезжающих за границу. В 1965 г. по сравнению с 1960 г. количество туристов Украинской ССР, выезжавших за границу, увеличилось более чем в 2 раза [20, ф. Р-2605, оп. 8, д. 4735, л. 28; д. 4739, л. 1]. В 1965 г. в соответствии с постановлением Президиума ВЦСПС Украинская республиканская профсоюзная организация должна была направить в турпоездки 364 группы в количестве 11 788 чел. Фактически было направлено 398 групп, три парохода в Болгарию, два — по Дунаю; всего выехало за границу 14 312 чел. Только Харьковский областной совет профсоюза направил 20 групп [20, ф. Р-2605, оп. 8, д. 4739, л. 1, 5]. В 1966—1967 гг. профсоюзными организациями Черниговской области направлено за границу 750 чел., в 1968—1969 гг. — 1125 чел., в 1970—1972 гг. — 1356 чел. [24, ф. Р-1117, оп. 5, д. 429, л. 261; д. 644, л. 30; д. 793, л. 62].

Туристические поездки советских людей в зарубежные страны, особенно социалистические, имеют большое значение в патриотическом и интернациональном воспитании. Туристы зна-

комятся с местами пребывания В. И. Ленина и его соратников-большевиков за границей, возлагают цветы у памятников советским воинам, павшим за освобождение народов от фашистских захватчиков, знакомятся с хозяйственной и культурной жизнью народов зарубежных стран, узнают о помощи СССР народам социалистических и развивающихся стран. Это вызывает у советских людей чувство гордости за свою страну, воспитывает у них качества патриотов-интернационалистов. Так, в сентябре 1962 г. группа работников просвещения УССР совершила туристическую поездку по ГДР и Чехословакии. В ГДР они посетили Берлин, Потсдам, Дрезден, Лейпциг. На территории Трептов-парка возложили венок у памятника советским воинам, павшим в боях за освобождение Берлина. В Лейпциге посетили музей-типографию газеты «Искра» и музей Г. Димитрова. В ЧССР посетили музей В. И. Ленина в Праге, осмотрели помещение, где проходила Пражская конференция большевиков в 1912 г., в торжественной обстановке возложили венок на кладбище советских воинов в Ольшанах [13, ф. 1, оп. 222, д. 65, л. 126—128]. Эта туристическая поездка имела большое воспитательное значение.

Ежегодно увеличивалось число зарубежных делегаций и туристических групп, посещавших СССР. Так, если в 1964 г. Украину посетило 116 зарубежных профсоюзных, рабочих и спортивных делегаций из 46 стран мира, то в 1965 г. — 165 делегаций из 63 стран мира. В 1965 г. на Украине побывало около 5 тыс. туристов по линии профсоюзного обмена [20, ф. Р-2605, оп. 8, д. 4735, л. 5, 7]. Только в 1964 г. в Сумской области побывало 273 иностранца, в том числе из социалистических стран — 157 чел., из капиталистических — 116 чел. [16, ф. 4, оп. 8, д. 9, л. 1].

Партийные и комсомольские организации стремились более эффективно использовать обмен делегациями и иностранный туризм в патриотическом и интернациональном воспитании трудящихся, особенно молодежи. Эти вопросы систематически рассматривались на заседаниях партийных и комсомольских комитетов, рекомендовались наиболее эффективные формы работы. Так, в марте 1962 г. Курский обком КПСС рассмотрел вопрос «Об упорядочении туристских связей с зарубежными странами» [15, ф. 1, оп. 47, д. 474, л. 38], в феврале 1966 г. Харьковский обком Компартии Украины рассмотрел вопрос «О состоянии приема и обслуживания иностранных туристов» [14, ф. 2, оп. 133, д. 50, л. 7]. В постановлениях партийных комитетов отмечалась важность этой работы, способствующей укреплению дружбы между народами, и указывались недостатки в работе по интернациональному воспитанию трудящихся, в частности указывалось, что еще мало проводится встреч и вечеров дружбы с иностранными туристами.

11 января 1965 г. ЦК ЛКСМ Украины рассмотрел вопрос «Об итогах работы по направлению молодых туристов за границу в 1964 году и международный туристский обмен в 1965 году» [13, ф. 7, оп. 18, д. 19, л. 3]. Указав на определенные успехи, ЦК ЛКСМУ отметил, что иностранный туризм еще недостаточно используется с целью контрпропаганды и интернационального воспитания молодежи. Спустя несколько месяцев ЦК ЛКСМУ проверил и 17 мая 1965 г. на заседании Секретариата заслушал вопрос, как обкомы комсомола выполняют постановление ЦК ЛКСМУ от 11 января 1965 г. [13, ф. 7, оп. 18, д. 30, л. 7]. Руководствуясь указаниями вышестоящих органов, первичные партийные и комсомольские организации усилили работу по использованию международных связей в патриотическом и интернациональном воспитании трудящихся.

В исследуемый период расширялись и крепили международные связи первичных профсоюзных организаций и коллективов предприятий и учреждений. В 1966 г., по неполным данным, свыше 350 фабрично-заводских местных комитетов и рабочих коллективов предприятий Украинской ССР поддерживали дружеские связи более чем с 650 предприятиями и профсоюзными организациями зарубежных стран [20, ф. Р-2605, оп. 8, д. 4735, л. 3]. Так, например, в 60-е годы поддерживалась тесная дружеская связь коллектива Харьковского тракторного завода с машиностроительным заводом «Татра» в г. Колине (ЧССР). Началась она в 1958 г., когда по решению ВЦСПС Харьковскому заводу было передано на хранение Знамя дружбы от трудящихся г. Колина. Долгое время это знамя передавалось на хранение лучшему цеху завода, удерживавшему первенство в соревновании в течение трех месяцев. Оно побывало во многих цехах, а в 1966 г. было передано на вечное хранение в Харьковский исторический музей [20, ф. Р-2605, оп. 8, д. 4735, л. 4—5]. При завкоме ХТЗ было создано общество советско-чехословацкой дружбы. Многотиражная заводская газета, заводское радио систематически освещали дружеские связи трудящихся двух заводов.

Многие трудовые коллективы предприятий и учреждений РСФСР устанавливали непосредственные производственные связи с коллективами других стран. Так, большая дружба завязалась с конца 50-х годов у коллектива Шебекинского химического завода Белгородской области с родственным химическим предприятием в г. Родлебен ГДР. Ежегодно представители родственных предприятий приезжали друг к другу. Помимо производственного опыта немецких друзей интересовали организация социалистического соревнования, профсоюзная работа, постановка наглядной агитации, вопросы политического воспитания молодежи [9, 1977, № 22, с. 14].

В исследуемый период устанавливались и расширялись производственные связи советских предприятий с предприятиями,

фирмами капиталистических стран.

В 1959 г. такие связи были установлены между Брянским машиностроительным заводом и датской фирмой «Бурмайстер и Вайн» [21, ф. 650, оп. 5, д. 2403а, л. 178].

Завод пользовался письменными консультациями датских специалистов по вопросам технологии изготовления деталей, узлов.

На датскую фирму выезжали специалисты из Брянска для перенятия опыта.

Только за 1959—1965 гг. было совершено 26 поездок работников завода в Данию [21, ф. 650, оп. 5, д. 2403а, л. 185].

Часть продукции Брянского машиностроительного завода отправлялась в зарубежные страны, а также поставлялась на Херсонский судостроительный завод для установки на судах, идущих на экспорт [10, 1966, 13 марта].

Брянский машиностроительный завод поставлял на экспорт различную продукцию. В 1965 г. на заводе было изготовлено 30 магистральных тепловозов для республики Куба [21, ф. 650, оп. 5, д. 2413, л. 5].

В 1966 г. были отправлены вентиляторные колеса в Чехословакию, Венгрию, ГДР; рудный трансферкар — в Индию; котлы обогрева и запчасти — в Болгарию, Румынию, Монголию, Польшу и другие страны [21, ф. 650, оп. 5, д. 2417, л. 10].

В 60-е годы более чем в 20 стран отправляли свою продукцию промышленные предприятия г. Шебекино Белгородской области [9, 1977, № 22, с. 14].

Партийные, комсомольские, профсоюзные организации в целях патриотического и интернационального воспитания трудящихся использовали не только экономические, научно-технические, но и культурные связи народов СССР с зарубежными странами.

Большое значение имело проведение Дней культуры. Эти вопросы рассматривались на заседаниях бюро обкомов партии и исполкомов областных Советов депутатов трудящихся.

Так, 14 августа 1969 г. бюро Донецкого обкома Компартии Украины и исполком Донецкого областного Совета депутатов трудящихся приняли совместное постановление «О проведении Дней культуры Чехословацкой Социалистической Республики в Донецкой области» [22, ф. Р-2794, оп. 2, д. 1881, л. 287]. 29 сентября 1969 г. в Донецк прибыли члены правительственной делегации Чехословакии, участвовавшие в Днях культуры ЧССР на Украине. Члены делегации возложили цветы к памятнику В. И. Ленину и к памятнику воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Состоялся торжественный вечер советско-чехословацкой дружбы. Перед трудящимися Донецкой области выступали с концертами профессиональные и самодея-

тельные художественные коллективы ЧССР [22, ф. Р-2794, оп. 2, д. 1859, л. 32]. Многие коллективы художественной самодеятельности СССР побывали в братских социалистических странах. Например, в годы восьмой пятилетки Новозыбковский народный театр Брянской области выступал в Чехословакии, а коллектив Кокинского совхоза-техникума — в Болгарии [7, с. 421].

Активную работу по патриотическому и интернациональному воспитанию трудящихся проводили организации общества «Знание». Так, только за 5 месяцев 1964 г. в Сумской области членами общества «Знание» прочитано около 300 лекций о Польской Народной Республике, около 550 лекций о Венгрии [16, ф. 1, оп. 216, д. 283, л. 148]. К лекционной работе, как правило, привлекались люди, побывавшие в командировках или туристических поездках за рубежом. Весной 1965 г. Сумской горком комсомола и областная организация общества «Знание» организовали в городском парке культуры и отдыха Клуб интересных встреч, где сумчане дважды в месяц встречались с интересными людьми. На первом заседании клуба, посвященном ЧССР, выступил работник облпрофсовета Л. И. Голубовский, участник Великой Отечественной войны, почетный гражданин чехословацкого города Комарно. Он рассказал о своем участии в боях за освобождение Чехословакии, поделился впечатлениями от недавней поездки по Чехословакии по приглашению чехословацких друзей [11, 1965, 23 мая].

В патриотическом и интернациональном воспитании трудящихся большое значение имеют международные спортивные соревнования. В 60-е годы проводилось множество таких соревнований. Например, в сентябре 1966 г. в Харькове состоялась международная встреча по велоспорту между командой профсоюзов ПНР и командой велозавода г. Харькова [12, 1966, 20 сен.].

Таким образом, в 60-е годы партийные организации, руководствуясь решениями XXII и XXIII съездов КПСС, проделали большую работу по патриотическому и интернациональному воспитанию трудящихся, по укреплению международных связей, особенно с социалистическими странами. Партийные и советские органы, комсомольские, профсоюзные и другие общественные организации, трудовые коллективы в целях патриотического и интернационального воспитания трудящихся использовали экономические, научно-технические и культурные связи СССР с зарубежными странами, особенно странами социалистического содружества. Наиболее действенными формами международных связей являлись обмен делегациями, туризм, проведение Дней культуры, спортивные соревнования и т. д. Опыт работы, накопленный в 60-е годы, вполне можно использовать в современных условиях. Партийным, государственным и обще-

ственным организациям необходимо способствовать развитию дружественных связей между областями, городами, трудовыми коллективами СССР и братских стран, широко использовать в патриотическом и интернациональном воспитании трудящихся экономические, научно-технические и культурные связи. В ходе обмена различными делегациями с братскими странами необходимо особое внимание обращать на качественную сторону дела, обобщать итоги каждой поездки, внедрять на наших предприятиях лучший производственный опыт зарубежных стран. Следует и в дальнейшем развивать туризм, особенно специализированные туристические поездки на родственные предприятия, и тем самым углублять дружеские связи трудящихся СССР и зарубежных стран.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38. 2. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. 223 с. 3. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 года. М., 1983. 80 с. 4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд., доп. М., 1972. Т. 8. 567 с. 5. Доронченков А. И. Интернациональное и национальное в мировой социалистической системе. Киев, 1975. 248 с.; Хромов С. С., Каляшников В. Л., Шишов Н. И. Интернационализм и патриотизм: история и современность. М., 1977. 280 с.; Целищев Н. Н. Великая сила пролетарского интернационализма. М., 1978. 182 с. 6. Актуальні питання патріотичного і інтернаціонального виховання молоді. На матеріалах республіканської науково-теоретичної конференції з питань патріотичного і інтернаціонального виховання молоді. Київ, 1973. 264 с. 7. Очерки истории Брянской организации КПСС. Тула, 1982. 542 с. 8. Социалистический интернационализм в действии. По материалам Всесоюзной научно-практической конференции «Развитие национальных отношений в условиях развитого социализма. Опыт и проблемы патриотического и интернационального воспитания». М., 1982. 145 с. 9. Политическая агитация, орган Белгородского обкома КПСС. 10. Брянский рабочий, орган Брянского областного комитета КПСС и Брянского областного Совета депутатов трудящихся. 11. Ленінська правда, орган Сумського обласного і міського комітетів Компартії України, обласної та міської Рад депутатів трудящих. 12. Соціалістична Харківщина, орган Харківського обласного і міського комітетів Компартії України, обласної і міської Рад депутатів трудящих. 13. Партийный архив Института истории партии при ЦК Компартии Украины. 14. Харьковский облпартархив. 15. Курский облпартархив. 16. Сумской облпартархив. 17. ЦГАОР СССР. 18. ЦА ДОСААФ СССР. 19. ЦА ВЦСПС. 20. ЦГАОР УССР. 21. Брянский облгосархив. 22. Донецкий облгосархив. 23. Ростовский облгосархив. 24. Черниговский облгосархив.

Поступила в редколлегию 27.10.83.

С. Ю. СТРАШНЮК

СОТРУДНИЧЕСТВО СОЮЗОВ АРХИТЕКТОРОВ СССР И НРБ В 1971—1983 гг.

Социалистический общественный строй, подчеркивал Ю. В. Андропов, «обеспечивает небывалое признание творческой деятельности интеллигенции» [1, с. 246]; вместе с тем он повышает ответственность мастеров искусств «за то, чтобы находящееся в их руках мощное оружие служило делу народа,

делу коммунизма» [1, с. 294]. Совершенствование архитектурного облика советских городов и сел — одна из немаловажных сторон формирования социалистического образа жизни, интересов и потребностей трудящихся, их эстетических вкусов. Развитие архитектурно-строительной науки в значительной мере содействуют творческие связи архитекторов СССР и стран социалистического содружества. Сорокалетняя история советско-болгарского сотрудничества в этой сфере свидетельствует об огромной взаимной пользе таких контактов.

Между тем дружественные связи Союзов архитекторов СССР и НРБ, объединяющих в своих рядах значительный отряд творцов социалистической культуры, не стали еще объектом исследования советских и болгарских историков. Единственной работой, в которой достаточно глубоко затрагивается этот вопрос, является статья П. Грекова «Влияние Великого Октября и советской архитектуры на болгарскую социалистическую архитектуру» [8]. Однако ее автор не ставил своей задачей исследовать историю сотрудничества творческих союзов, а сосредоточил внимание на раскрытии основных направлений воздействия советской архитектурной теории и практики на архитектурную мысль социалистической Болгарии. Цель настоящей статьи — рассмотреть ведущие формы профессионального общения зодчих братских стран в последнее десятилетие, выявить наиболее эффективные, показать вклад творческих союзов в укрепление советско-болгарской дружбы, в развитие прогрессивного процесса сближения и взаимообогащения социалистических национальных культур.

Начало творческому сотрудничеству советских и болгарских архитекторов было положено вскоре после победы революции в Болгарии 9 сентября 1944 г. В период, когда градостроительные кадры были остро необходимы для восстановления городов страны, разрушенных фашистами, советское правительство нашло возможным послать по просьбе НРБ значительный отряд специалистов для участия в решении новой по своей сущности социальной задачи в ходе развернувшегося на болгарской земле социалистического строительства. «Без положительного опыта советских ученых,— отмечает П. Греков,— болгарская архитектурная наука, которая в то время делала свои первые шаги, неизбежно бы прошла более длинный путь исканий и экспериментирования» [8, с. 9]. С тех пор контакты между творческими организациями зодчих братских стран неуклонно крепнут и расширяются.

В исследуемый период дружественные связи Союзов архитекторов СССР и НРБ, регулируемые Протоколом о культурном сотрудничестве на 1972—1976 гг. [20а] и последующими пятилетними планами [20б, 20в], проявлялись в различных формах: совместные секретариаты и творческие встречи специалистов, обмен специализированными группами туристов и ар-

хитектурными выставками, проведение конкурсов и смотров, Недели архитектуры и совместное участие в работе Международного Союза архитекторов [20е].

К числу наиболее эффективных форм профессионального общения относятся совместные заседания секретариатов, где, наряду с обсуждением конкретных проблем архитектурно-строительной практики, подводятся итоги сотрудничества за предыдущие годы, обсуждаются планы его развития на будущее, происходит обмен опытом организационной деятельности правлений и Союзов в целом.

В повестке дня двусторонних секретариатов, проходивших в 70-е годы, находились вопросы «Своеобразие застройки сельских населенных мест» (Москва, 1973) и «Синтез в современной архитектуре» (София, 1976). На встрече в Софии, а также в Пловдиве и Велико-Тырново советскими специалистами были прочитаны доклады, вызвавшие живой интерес болгарской архитектурной общественности: «Роль архитектуры в идеологическом и эстетическом воспитании народа» (Ю. С. Яралов), «Архитектурные проблемы массового жилищного строительства» (В. А. Чеканаускас), «Генеральный план Москвы в действии» (В. В. Степанов) и др. В заключение работы было подписано соглашение о творческом сотрудничестве на 1976—1980 гг., предусматривавшее дальнейшее углубление и совершенствование форм творческих контактов Союзов архитекторов СССР и НРБ [17, 1976, № 5, с. 8]. На следующем совместном секретариате, проходившем в феврале 1982 г. в Москве и Вильнюсе, обсуждалась одна из ключевых проблем современной архитектуры: «Пути дальнейшего развития массового жилищного строительства». Болгарские гости — президент Союза архитекторов НРБ Г. Стоилов, вице-президент В. Вылчанов, архитекторы З. Генчев и М. Сапунджиева ознакомились с практикой жилищного строительства в Советском Союзе, побывали в жилом районе Тропарево в Олимпийской деревне, выступили с сообщениями в Центральном доме архитектора [10, 1982, № 5, с. 63].

Не менее важное значение для обмена опытом и повышения квалификации архитекторов имеют ежегодные творческие встречи специалистов, проводимые в Советском Союзе и Болгарии в виде симпозиумов, конференций, коллоквиумов и семинаров. В частности, делегации советских архитекторов выезжали в НРБ для проведения двусторонних встреч по темам «Коммунистическая идея в архитектуре» (1971), «Реконструкция и охрана исторических памятников» (1973), «Роль архитектуры в формировании жилой среды» (1978) и др. [20г].

«Изучая опыт болгарских архитекторов, следует обратить особое внимание на их умение создавать многообразные и функционально целесообразные архитектурные формы, хорошо соответствующие современным методам индустриального произ-

водства,—писал архитектор А. Косогов, побывавший в НРБ. — Взаимный обмен опытом болгарских и советских архитекторов и строителей будет способствовать все более успешному решению больших задач в области массового жилищного строительства» [10, 1973, № 4, с. 59]. В качестве примера эффективного использования в отечественной практике передового болгарского опыта можно привести такой факт. Обобщив и проанализировав прогрессивные методы типового проектирования жилища в НРБ, сотрудники Киевского научно-исследовательского института экспериментального проектирования разработали предложения по совершенствованию архитектурных, конструктивных и технологических качеств крупнопанельных зданий столицы Украины, сократив при этом стоимость научно-исследовательских и проектных работ на 5—8% [9, 1978, 23 июля].

Со своей стороны болгарские специалисты активно участвовали в работе конференций и симпозиумов, организуемых Союзом архитекторов СССР, изучали опыт советского градостроительства, систему планирования, финансирования и надзора за архитектурными мастерскими, формы деятельности Архитектурного фонда [20г].

Наряду с обменом официальными делегациями, ежегодный объем которого, в сравнении с другими творческими союзами, не столь значителен и составляет всего 8—10 человек с каждой стороны [20е], широкое распространение в 70-е годы получил специализированный туризм, посредством которого свыше 300 советских архитекторов имели возможность познакомиться с архитектурным наследием и последними достижениями болгарских коллег [20д]. Был разработан специальный маршрут по историческим городам НРБ, предусматривающий посещение Софии, Пловдива, Велико-Тырново, Варны, Бургаса, черноморских курортов. Знакомство с памятниками национального зодчества и современной болгарской архитектурой, встречи и беседы с болгарскими специалистами позволили обменяться опытом в области реконструкции центров старинных городов, реставрации памятников архитектуры, обсудить ряд других вопросов.

Широкие возможности для обмена опытом представляют традиционные Недели советской архитектуры в Болгарии, которые с 1976 г. проводятся ежегодно и, как правило, сопровождаются чтением лекций, демонстрацией фильмов и выставок. Большим событием в жизни болгарской столицы явились, в частности, выставки «Советские архитекторы — народу» и «Жилищное и гражданское строительство Москвы», экспонировавшиеся в 1976 г. в залах Дома советской науки и культуры. Лишь последнюю посетили 3 000 чел., в том числе 1 200 специалистов [19, л. 96]. Значительным успехом пользовались в Болгарии выставки, подготовленные местными организациями Союза архитекторов СССР: «Шедевры старинной архитектуры и

изобразительного искусства Украины» (1972), «Архитектурное творчество Одессы» (1977), «Проекты ростовских архитекторов» (1980) и др. [18, 1972, 28 марта; 1977, 18 окт.; 1980, 20 авг.].

Столь же большой интерес советской общественности и специалистов вызвали экспозиции «Каменная пластика Болгарии» [12, 1971, 27 трав.], «Архитектура НРБ» [12, 1972, 7 вер.], «30 лет болгарской социалистической архитектуры» [15, 1974, 13 сент.], «Архитектура Велико-Тырново» [11, 1974, 3 вер.], «Молодая архитектурная мысль в Народной Республике Болгарии» [10, 1977, № 8, с. 57—58], «Современная болгарская архитектура» [17, 1978, № 9, с. 38], «Достижения болгарской архитектуры и строительства за 1300 лет» [9, 1980, 23 нояб.]. Особенно представительной была последняя экспозиция, открывшаяся 3 ноября 1980 г. в одном из павильонов ВДНХ СССР. 260 фотографий, макетов и других экспонатов знакомили посетителей с историей архитектуры и строительства республики, творческим применением национальных архитектурных традиций, достижениями болгарских зодчих в области жилищно-гражданского, курортного, монументального и промышленного строительства. «И в техническом решении, и в архитектурном облике этих сооружений,— отмечалось в советской печати,— отразились лучшие черты промышленного зодчества стран социалистического содружества — функциональная целесообразность, конструктивная логичность, экономичность и эстетическое совершенство» [9, 1980, 23 нояб.].

В исследуемый период использовалась и такая форма профессиональных контактов, как участие советских архитекторов в различного рода международных конкурсах и смотрах, проводимых в Болгарии. В 1974—1975 гг., например, Государственный комитет по научно-техническому прогрессу и высшему образованию, Министерство земледелия и пищевой промышленности НРБ провели конкурс на лучшее проектное решение расширения университета и Высшего сельскохозяйственного института в Пловдиве. В обоих случаях решением жюри высшие премии были присуждены работам, представленным Украинским филиалом Гипровуза (г. Харьков). В последующие годы коллектив харьковских архитекторов вел разработку технического проекта Пловдивского университета совместно с болгарскими проектировщиками, что позволило наиболее полно использовать опыт советских специалистов и наилучшим образом учесть местные природные, национальные и климатические условия [16, 1976, № 4, с. 6—8].

Премиями различных достоинств отмечены также советские проекты зданий оперных театров в Софии и Пловдиве, научно-учебного комплекса Болгарской Академии наук и Софийского университета, генеральный план застройки студенческого город-

ка в болгарской столице [17, 1974, № 1, с. 40; 1974, № 3—4, с. 39, 45—46; 1975, № 6, с. 27; 1979, № 1, с. 36].

Важную роль в укреплении творческих связей архитектурной общественности СССР и НРБ, повышении международного авторитета советского зодчества играют ныне международные биеннале архитектуры «Интерарх», которые с 1981 г. проводит Союз архитекторов Болгарии при участии Международного союза архитекторов и Всемирной федерации породненных городов. Представляя собой смотр самых высоких достижений современной архитектуры и теоретических концепций ее развития, биеннале служит не только стимулом развития архитектурно-урбанистических форм и структур, планирования и моделирования городов, жилищ, дорог, гармонической жизненной среды человека, но и местом пропаганды социалистической системы хозяйствования и образа жизни. Особенно удачным для советских зодчих явилось участие в работе Второго международного биеннале «Интерарх-83» в Софии, где на конкурсе архитектурных произведений экспозиция СССР удостоилась наивысшей оценки. Гран-при и золотая медаль были присуждены Дворцу культуры и спорта в Таллине (авторы — Р. Корп и Р. Алтне). Премии председателя Союза архитекторов Болгарии и золотой медали была удостоена группа ленинградских архитекторов под руководством О. Романова и М. Хидекеля за проект молодежного комплекса «Остров». Премиями отмечены также Олимпийский велотрек в Крылатском, концертный зал в Сочи и ряд других сооружений, созданных советскими зодчими [16, 1983, № 9, с. 30].

В формировании архитектурного облика некоторых городов и сел нашей страны весомый вклад внесли болгарские специалисты. Так, Великотырновская улица в селе Кнышивка Гадячского района Полтавской области, где сейчас проживают труженики колхоза «Червона Україна», целиком застроена домами, спроектированными болгарскими архитекторами [11, 1974, 11 вер.]. Их почерк чувствуется также в ансамбле Плевенской площади Ростова-на-Дону [4, с. 24], проспекте «Стара Загора» в Куйбышеве [6, с. 226], ряде общественных зданий других городов Советского Союза: школе им. Г. Димитрова в Ташкенте (дар Хасковского округа пострадавшему от землетрясения городу-побратиму) [17, 1974, № 2, с. 19—20], кинотеатре «София» в Москве [13, 1978, 19 мая], Дворце бракосочетания в Кишиневе [14, 1980, 25 янв.], гостинице в Дубне [7, с. 115].

Накопленный к концу 70-х годов опыт творческого сотрудничества позволил перейти к новой, высшей форме профессионального общения — совместному экспериментальному планированию и комплексному проектированию. Начало этому положил в 1979 г. двусторонний семинар в Благоевграде на тему «Планирование художественного оформления, благоустройства и системы наглядной агитации среды социалистического горо-

да», в котором в равной мере участвовали архитекторы, имевшие опыт в различных формах дизайна, и художники, много работавшие над архитектурными задачами. По итогам встречи состоялась выставка проекта реконструкции центра Благоевграда. Авторский коллектив из представителей Москвы, Фрунзе, Львова, Красноярска, Норильска, Софии, Пловдива и Благоевграда критически оценил составленный в традициях «бульдозерной методологии» Генеральный план реконструкции города, полагая, что предложенные им задачи могут быть решены иным, более естественным для облика этого окружного центра НРБ способом. Проект, переданный в дар городу, предусматривал весь комплекс возможных средств: реставрацию, реконструкцию, активизацию имеющейся застройки, а также замечания по новой архитектуре. Он получил самую высокую оценку Комитета по культуре и Межведомственной комиссии при Совете Министров НРБ и уже начал претворяться в жизнь [5; 10, 1982, № 7—8, с. 125]. Это — яркий пример плодотворности братского сотрудничества в создании нового в художественном и архитектурном отношении облика социалистического города с учетом максимального сбережения исторически сложившейся городской среды и природы.

Этапным событием в многолетней истории сотрудничества советских и болгарских зодчих явилось подписание 24 мая 1980 г. протокола о проведении двустороннего социального и архитектурного эксперимента в городах Днепропетровск и Ловеч, цель которого — разработать эталон для будущих жилых комплексов массового типа, соответствующих периоду развитого социализма [17, 1980, № 8, с. 40]. Его осуществление станет важнейшим направлением творческого сотрудничества на 80-е годы. Наряду с этим в текущей пятилетке предусматривается широкий обмен опытом по целому ряду других проблем архитектурного творчества: влияние научно-технического прогресса на архитектуру; охрана, реставрация и приспособление исторических объектов к современному использованию; сохранение и создание жизненной среды; вопросы ландшафтной архитектуры; архитектура промышленных комплексов и предприятий; подготовка и повышение квалификации архитекторов и т. д. [20в].

Таким образом, наряду с дальнейшим развитием профессиональных контактов по обмену опытом в различных сферах архитектурной теории и практики, на рубеже 70—80-х годов обозначился переход к совместной творческой деятельности. Экспериментальное планирование и комплексное проектирование крупных жилых массивов, объединение усилий в создании значительных архитектурно-художественных ансамблей, несомненно, будут способствовать обогащению материальной и духовной культуры братских народов, решению важнейших социальных задач, начертанных КПСС и БКП в известных Постановлениях по вопросам строительства и архитектуры [2; 3;

14, 1983, 26 февр.]. Вместе с тем имеются значительные резервы для расширения и углубления двустороннего сотрудничества. В частности, представляется необходимым довести его объем к 1990 г. до уровня других творческих союзов, т. е. увеличить интенсивность профессиональных контактов в 2—2,5 раза, акцентируя внимание на совместной творческой деятельности. Активнее следует вовлекать в процесс творческого общения молодых архитекторов, используя при этом положительный опыт Союзов художников и композиторов СССР и НРБ по воспитанию творческой молодежи, а также возможности советско-болгарского клуба молодой художественной интеллигенции и Архитектурной ассоциации Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами.

Список литературы: 1. Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. М., 1983. 320 с. 2. О ходе выполнения принятого в мае 1969 года Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению качества жилищно-гражданского строительства». Постановление ЦК КПСС от 1 августа 1975 года. — В кн.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1978, т. 12, с. 26—29. 3. О дальнейшем подъеме в развитии болгарской архитектуры и художественном синтезе искусств при формировании архитектурно-художественного облика населенных пунктов и жизненной среды. Постановление Политбюро ЦК БКП.— Информационный бюллетень ЦК БКП, 1977, № 9, с. 148—158. 4. Бондаренко И. А. Дружба. М., 1977. 142 с. 5. Коник М. Художник — проект — город: К реконструкции центра Благоевграда. — Искусство, 1981, № 9, с. 51—55. 6. Куйбышев — Стара Загора. Куйбышев, 1983. 319 с. 7. Рябчиков Е. Зодчий. — В кн.: Брат для брата. М., 1974, с. 109—116. 8. Греков П. Влияние Великого Октября и советской архитектуры на болгарскую социалистическую архитектуру. — Архитектура СССР, 1978, № 1, с. 8—9. 9. Архитектура. Иллюстрированное приложение к «Строительной газете». 10. Архитектура СССР. Ежемесячный теоретический и научно-практический журнал, орган Государственного комитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР и Союза архитекторов СССР. 11. Зоря Полтавщини, орган Полтавского областного комитета Компартии Украины и областного Совета народных депутатов. 12. Культура і життя, орган Министерства культуры УССР и республиканского комитета профсоюзов работников культуры. 13. Московская правда, орган Московского областного комитета КПСС и областного Совета народных депутатов. 14. Правда. 15. Советская культура, газета Центрального Комитета КПСС. 16. Строительство и архитектура, ежемесячный производственно-технический журнал Государственного комитета Совета Министров УССР по делам строительства и Союза архитекторов Украины. 17. Архитектура, теоретический журнал Союза болгарских архитекторов и Комитета по архитектуре и благоустройству НРБ. 18. Работническо дело, орган Центрального Комитета Болгарской Коммунистической партии. 19. Архив Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, ф. 9576—р, оп. 20, д. 1400. 20. Текущий архив правления Союза архитекторов СССР: а) Протокол о культурном сотрудничестве между Союзом архитекторов СССР и Союзом архитекторов НРБ на 1972—1976 гг. от 18 июля 1972 г.; б) Рабочее соглашение для осуществления научного и культурного сотрудничества между Союзом архитекторов СССР и Союзом архитекторов НРБ на 1976—1980 гг. от 18 февраля 1976 г.; в) План творческого сотрудничества между Союзом архитекторов СССР и Союзом архитекторов Болгарии на 1981—1985 гг.; г) Отчеты по выполнению международных связей Союза архитекторов СССР с зару-

бежными странами за 1971—1981 гг.; д) *Отчеты* по направлению за рубеж специализированных групп Союза архитекторов СССР в 1971—1980 гг.; е) *Краткая справка* о сотрудничестве между Союзом архитекторов СССР и Союзом архитекторов Болгарии (по состоянию на 1976 г.).

Поступила в редколлегию 17.10.83.

В. Д. КОЗЛИТИН

ИСТОРИОГРАФИЯ СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ В 1917—1941 гг.

На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС было указано на необходимость дальнейшего укрепления сотрудничества, чувства единства и общности исторических судеб народов социалистических стран [1, с. 20, 22]. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение истории многосторонних связей между странами социализма.

Важным этапом в развитии многовековых дружественных связей между народами СССР и СФРЮ был период от победы Великой Октябрьской социалистической революции и образования югославского государства в декабре 1918 г. до оккупации Югославии фашистской Германией в апреле 1941 г. При отсутствии официальных междоусударственных отношений (до июня 1940 г.) советско-югославские связи осуществлялись в основном по линии общественных организаций и личных контактов. В этих условиях ведущую роль играли взаимосвязи в области культуры.

История советско-югославских культурных связей 1917—1941 гг. изучается в обеих странах уже около 60 лет. Специальные обобщающие трудов по этой теме еще нет, но ее отдельные аспекты получили определенное освещение.

Одним из наиболее важных вопросов, связанных с проблематикой советско-югославских культурных связей, является вопрос о распространении идей марксизма-ленинизма в Югославии. Его разработка уже ведется [2]. Исследователи сосредоточивают основное внимание на выявлении и характеристике ведущих источников знакомства югославов с теорией марксизма-ленинизма, но, к сожалению, не рассматривают роль советской культуры в популяризации марксистско-ленинского мировоззрения в Югославии.

Наиболее полно раскрыты взаимосвязи в области художественной литературы — в той сфере, где они были интенсивнее. Уже в первые послевоенные годы появились статьи о распространении произведений А. М. Горького и В. В. Маяковского в Югославии. Но всестороннее изучение советско-югославских литературных связей началось только в 60—70-е годы. Рассматривалось воздействие Великой Октябрьской социалистической революции на революционную публицистику и художественную литературу Югославии, влияние Октября, советской ли-

тературы на мировоззрение, общественную и творческую деятельность отдельных югославских литераторов (А. Цесарец, М. Крлежа и др.), их контакты с Советской Россией [3]. Существенный интерес представляют статьи, посвященные другому важному фактору развития советско-югославских культурных связей — распространению произведений советских писателей в Югославии и югославских — в СССР. Глубокий анализ этих процессов дан в работах А. Флакера, написанных на основе югославской периодической печати [11]. В большей части исследований, посвященных данному вопросу, раскрывается влияние творчества А. М. Горького на югославскую литературу и критику [4]. Нужно отметить, что в рассматриваемый период на языки народов Югославии переводились также произведения С. Есенина, В. Маяковского, Н. Островского, М. Шолохова и других советских авторов, однако распространение их произведений в Югославии изучено еще не достаточно полно. Почти совершенно не разработан вопрос о переводах произведений югославских литераторов в СССР, хотя отдельные сведения такого рода уже введены в научный обиход. Некоторую информацию о советско-югославских литературных связях можно почерпнуть из статей советских литературоведов о закономерностях развития югославской литературы в межвоенный период.

Необходимо подчеркнуть, что работы о советско-югославских литературных взаимосвязях имеют, как правило, чисто литературоведческий характер, их авторы не стремятся заострить внимание на классовой сущности и формах литературных взаимосвязей, каналах проникновения советской литературы в Югославию, влиянии произведений советских авторов на общественную жизнь в стране.

Советско-югославские связи в области театрального искусства можно поставить на второе место по степени освещенности в советской и югославской научной литературе. Их изучение начали в конце 40-х годов югославские исследователи, внимание которых сосредоточилось на проблеме «Станиславский и югославское театральное искусство 20—30-х годов». Наиболее интересные работы по истории советско-югославских театральных связей, появившиеся в 60—70-е годы, в основном сконцентрированы на изучении трех проблем. Первая — влияние идей К. С. Станиславского на деятелей югославской театральной культуры [5; 14]. Вторая проблема — специфика воздействия советской культуры на творчество прогрессивных югославских драматургов: Б. Гавеллу, Б. Нушича, М. Крлежу и др. [6]. Третья — связи самодетельных рабочих театральных коллективов Словении с советским театральным искусством [7].

В значительно меньшей степени освещены советско-югославские взаимосвязи в сфере музыкального, оперного и балетного искусства. Советские музыковеды в работах по истории музыкальной культуры народов Югославии [8] приводят некоторые

факты о распространении музыкальных произведений советских авторов в Сербии, Хорватии и Словении, об отражении русской тематики в сочинениях югославских композиторов и югославской — в произведениях советских авторов.

Известно, что со второй половины 20-х годов на Балканы начали проникать советские кинофильмы, которые вызвали огромный интерес у зрителей. К сожалению, историки советского киноискусства не уделили достаточного внимания изучению данного вопроса. В 1969 г. в советской печати опубликована единственная статья о демонстрации советских фильмов в Югославии в 20—30-е годы, написанная югославскими киноведами [10]. Статья содержит ценные сведения о путях проникновения советских кинофильмов в Югославию, о воздействии советского киноискусства на развитие югославской общественной мысли. Однако следует критически отнестись к категоричному утверждению авторов, что советское кино не оказало тогда существенного влияния на деятельность творческих работников зарождавшейся югославской кинематографии.

История обмена книгами между библиотеками СССР и Югославии прослеживается в работе об истории возникновения и развития сотрудничества между библиотекой Матицы сербской (литературно-научное и культурно-просветительное общество в г. Нови Сад) и крупнейшими библиотеками Советского Союза с середины XIX в. до 1972 г. [12]. Ее автор Л. Чурчич пишет, что за период с 1918 г. по 1928 г. сведений об этом не обнаружено; с 1927 г. по 1941 г. книгообмен происходил с библиотекой АН СССР; в 1940 г. был восстановлен обмен научными изданиями с Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина. Большая роль в их организации, по свидетельству Л. Чурчича, принадлежит Всесоюзному обществу культурных связей с заграницей (ВОКС).

О советско-югославских контактах в области просвещения, науки, изобразительного и прикладного искусства в межвоенный период в работах советских и югославских ученых содержатся лишь отдельные факты.

В истории изучения советско-югославских культурных связей в 1917—1941 гг. можно выделить три этапа, тесно связанные с соответствующими этапами развития советско-югославских отношений. До второй мировой войны научная разработка проблем советско-югославских культурных связей не велась. В периодической печати публиковались небольшие публицистические работы, статьи, в которых лишь вскользь затрагивался вопрос о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на культуру народов Югославии, упоминались случаи литературных контактов. Советско-югославское боевое сотрудничество в период второй мировой войны, сотрудничество в первые послевоенные годы способствовали появлению научных работ советских и югославских авторов о советско-югославских

контактах в области литературы и искусства. Временное ухудшение советско-югославских отношений в 1949—1953 гг. задержало этот процесс. Значительные работы по данной теме не публиковались.

Нормализация советско-югославских отношений и восстановление сотрудничества в середине 50-х годов стимулировали интерес исследователей к истории советско-югославских отношений. Во второй половине 50-х годов появляются работы советских ученых по истории югославской музыкальной культуры, освещающие, в известной мере, советско-югославские контакты в 20—30-е годы. В 60-е и особенно 70-е годы резко возросло количество исследований, охватывающих уже почти все сферы советско-югославских культурных связей. Важным событием в истории советской югославистики стало издание Институтом славяноведения и балканистики АН СССР в 1963 г. двухтомной «Истории Югославии», во втором томе которой содержится первый в советской историографии синтетический очерк истории культуры народов Югославии в 1918—1945 гг. Значительное внимание авторский коллектив уделил раскрытию советско-югославских культурных связей.

С начала 60-х годов в СССР и СФРЮ было опубликовано значительное количество работ по межвоенной истории Югославии, советско-югославским отношениям и связям в отдельных областях культуры в 20—30-е годы [9; 17]. В них содержатся ценные данные о предпосылках советско-югославских культурных связей, обстановке, в которой они развивались, сторонниках и противниках их развития, роли коммунистических партий обеих стран и прогрессивных международных организаций трудящихся в их осуществлении. Появились работы о распространении произведений классиков марксизма-ленинизма в Югославии, о советско-югославских связях в области художественной культуры, просвещения, науки и книгообмена, которые вводили в научный обиход все новые факты, почерпнутые из советских и югославских архивов, периодической печати.

Сложившаяся у югославских ученых точка зрения на вопрос о характере советско-югославских культурных связей в межвоенный период изложена в обширной статье, помещенной в «Энциклопедии Югославии» [16, с. 491—496]. Автор справедливо отмечает большой интерес широких слоев югославского общества к советской социалистической культуре. Главным организатором всенародной борьбы против антисоветской политики правящих кругов страны за развитие советско-югославских связей ученый называет Коммунистическую партию Югославии (КПЮ).

Связи Советского Союза с другими странами в сфере духовной жизни не обходят вниманием и наши идейные противники. Так, Ф. Баргхорн в книге «Советское культурное наступ-

ление» пытается представить культурные связи СССР с балканскими и другими народами в качестве одной из форм внешнеполитической экспансии, имеющей, по его словам, «подрывной характер» [13, с. 32]. Но конкретные и достоверные научные данные о советско-югославских культурных связях 20—30-х годов полностью опровергают попытки буржуазных авторов исказить сущность политики СССР в области международных культурных связей.

Наиболее плодотворными в изучении советско-югославских культурных связей 1917—1941 гг. были последние 15—20 лет. Получили освещение связи между нашими странами в области художественной литературы и искусства. Значительно слабее — в сфере просвещения, науки и книгообмена. Вклад историков отмечен стремлением выявить предпосылки и факторы, воздействовавшие на развитие советско-югославских культурных связей. Однако в ряде случаев это сделано лишь в плане постановки проблем и частичной их разработки. Недостаточно освещены деятельность ВКП(б), КПЮ, общественных организаций по расширению и укреплению советско-югославских культурных связей, влияние этих связей на общественно-политическую обстановку в Югославии. В имеющейся научной литературе полнее прослежены связи наших стран 20-х и хуже — 30-х годов. Из отдельных республик СФРЮ полнее отражены связи Советского Союза с Хорватией, Словенией, Сербией.

Внимание советских и югославских ученых к разработке истории взаимосвязей двух братских народов возрастает, что свидетельствует о большом политическом и научном значении этой темы. Настала пора создать специальное исследование обобщающего характера.

Список литературы: 1. *Материалы* Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 года. М., 1983. 80 с. 2. *Долгих Н. С.* Издание произведений В. И. Ленина в Югославии. — Вестн. Моск. ун-та. Журналистика, 1968, № 2, с. 49—61. 3. *Бершадская М. Л.* В. И. Ленин и словенская литература 1918—1929 гг. — Вестн. Ленингр. ун-та. История. Язык. Литература, 1970, вып. 4, № 2, с. 92—98; *Тогова Р. А.* Август Цесарец и Советский Союз. — Вестн. Ленингр. ун-та. История. Язык. Литература, 1972, вып. 46, № 2, с. 87—96. 4. *Балакин А. М.* Максим Горький и сербская литература 30-х годов. — В кн.: Славянская филология. Сб. статей. М., 1973, с. 276—290; *Донников А. В.* Горький в сербской литературе. — Литература в школе, 1948, № 2, с. 65—67. 5. *Покровская Г. Д.* Станиславский в Югославии. — Сов. славяноведение, 1972, № 2, с. 105—109. 6. *Вагапова Н. М.* Формирование реализма в сценическом искусстве Югославии. 20—30-е годы XX века. М., 1983. 222 с. 7. *Вагапова Н. М.* Пролетарская сцена Словении. — Театр, 1970, № 2, с. 156—163. 8. *Егорова В. Н.* Музыка. — В кн.: Развитие социалистического искусства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1933—1939). М., 1983, с. 346—356. 9. *Гиренко Ю. С.* Советско-югославские отношения. М., 1983. 192 с.; *Севян Д. А.* Из истории Союза Коммунистов Югославии. 1919—1945. М., 1982. 213 с.; *Сумарокова М. М.* Демократические силы Югославии в борьбе против реакции и угрозы войны (1929—1939 гг.). М., 1982. 240 с. 10. *Остоич С., Сремец Р.* Октябрь и югославская кинематография. — В кн.: Октябрь и мировое кино. М., 1969, с. 233—246. 11. *Флакер А.* Совет-

ская литература в Югославии с 1918 по 1934 год.— Сов. славяноведение, 1967, № 6, с. 21—27; *Флакер А.* Советская литература в Югославии (1934—1941).— В кн.: Октябрьская революция и славянские литературы. Сб. статей. М., 1967, с. 180—192. 12. *Чурчич Л.* Из истории книгообмена Матицы сербской с русскими библиотеками.— Библиотековедение и библиография за рубежом. Вып. 44. М., 1976, с. 34—49. 13. *Barghoorn F. G.* The Soviet Cultural Offensive. The role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. Princeton, New Jersey, 1960. 353 p. 14. *Batušić S.* Stanislavski u Zagrebu. Sjećanja, svjedočanstva, dokumenti. Zagreb. 1948. 142 p. 15. *Bojović I. R.* Popularisanje Lenjinovih ideja u Crnoj Gori (1917—1929). — Jugoslovenski istorijski casopis. 1970, br. 3—4, s. 7—21. 16. *Enciklopedija Jugoslavije.* Zagreb. 1968, t. 7. 688 p. 17. *Vinaver V.* Jugoslovensko-sovjetski odnosi. 1919—1929.— Istorija XX veka. Zbornik radova. 1964, VII, s. 93—183; *Vinaver V.* Prilog istoriji ugoslovensko-sovjetskih odnosa 1929—1934 godine.— Istorijski glasnik. 1965, br. I, s. 3—59.

Поступила в редколлегию 17.10.83.

Г. Н. ПОПОВ, д-р ист. наук, А. В. КРАВЧЕНКО

СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (1971—1983 гг.)

Укрепление сотрудничества и сплоченности социалистических стран, подчеркивалось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, есть «первейшее направление международной деятельности КПСС и Советского государства» [1, с. 295]. Составной частью этого процесса и одновременно существенным вкладом в его углубление и развитие являются обширные, многогранные контакты между СССР и СФРЮ, охватывающие и сферу художественной литературы.

Советско-югославские связи в области литературы уже привлекали внимание историков и литературоведов [3—7], однако разработка данного вопроса находится еще в начальной стадии. Наиболее слабо изучен современный этап сотрудничества, когда в нашей стране утвердилось развитое социалистическое общество, а народы Югославии добились новых успехов в строительстве социализма.

Исходным рубежом настоящего исследования стало подписание в 1971 г. советско-югославского Заявления о взаимном сотрудничестве на принципах социалистического интернационализма [17, 1971, 26 сент.], положившего начало новому этапу в развитии братских связей между нашими странами. В политической и духовной жизни советского народа исследуемый период ознаменован борьбой за претворение в жизнь решений XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС, 9-го, 10-го и 11-го пятилетних планов экономического и социального развития страны, а для Югославии — IX, X, XI и XII съездами СКЮ и борьбой за реализацию 5-го, 6-го и 7-го пятилетних планов. Эти исторические вехи играют определяющую роль и в литературной жизни, в поступательном развитии контактов между СССР и СФРЮ на

поприще художественной литературы. Важными рубежами в расширении и углублении наших связей явились также встречи советских и югославских партийно-правительственных делегаций на высшем уровне в 1972, 1973, 1976, 1977, 1979, 1980, 1981, 1983 гг. Принципы и положения, зафиксированные в совместных советско-югославских документах этих лет,— надежная основа для крепнущего год от года взаимопонимания, стабильных отношений и разностороннего взаимодействия между СССР и СФРЮ.

24 мая 1974 г. было подписано действующее поныне Соглашение о сотрудничестве в области культуры, науки и образования [6, с. 465], заменившее и расширившее положения советско-югославской Конвенции 1956 г. о культурном сотрудничестве [2, с. 659—660]. В соответствии с указанным соглашением в 1974, 1977, 1980, 1983 гг. подписывались межгосударственные трехлетние планы сотрудничества. Они предусматривали контакты в области литературы по трем основным направлениям: между Союзом советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами и Обществом культурного сотрудничества Югославии с Советским Союзом, между союзами писателей обеих стран, а также между писательскими организациями союзных республик и городов СССР и СФРЮ, поддерживающих побратимские связи. В исследуемый период подобного рода контакты имели: РСФСР и Черногория, Украина и Хорватия, Узбекистан и Македония, Азербайджан и Босния и Герцеговина. В порядке реализации документов и планов, подписанных на высшем уровне между Союзом писателей СССР и Союзом писателей и Союзом переводчиков СФРЮ, ежегодно составляются планы сотрудничества, а с 1977 г. действует соответствующая долгосрочная программа [14, 1977, № 6, с. 26].

Следуя многовековым традициям культурных связей между народами Советского Союза и Югославии, углубляя установившиеся еще в годы второй мировой войны контакты, государственные учреждения, писательские и другие общественные организации наших стран используют различные формы сотрудничества. Плодотворными являются обмен делегациями, групповые и индивидуальные поездки. Они позволяют творческим работникам двух стран лучше узнать друг друга, глубже познакомиться с жизнью и созидательным трудом рабочих, крестьян и интеллигенции, обменяться опытом, разработать перспективные планы сотрудничества.

Хорошей традицией стал обмен делегациями для участия в литературных праздниках. В 1971 г. по приглашению Союза писателей СССР гости из Югославии присутствовали на торжествах, посвященных юбилеям Ф. М. Достоевского [18, 1971, 27 окт.], Н. А. Некрасова [21, ф. 11, оп. 27, д. 1115, л. 2], в 1974 г.— А. С. Пушкина. В свою очередь советские писатели О. Гончар [21, ф. 184, оп. 27, д. 1875, л. 3, 5], М. Карим [19,

1975, 26 мая, с. 12], Э. Межелайтис [21, ф. 184, оп. 27, д. 1875, л. 4], Б. Олейник [14, 1980, № 9, с. 29] и др. в разные годы представляли нашу многонациональную литературу на «Октябрьских встречах» в Белграде, «Сараевских днях поэзии», «Загребских литературных беседах» и иных литературных праздниках в СФРЮ. В 1971—1983 гг. 11 породнившихся городов наших стран обменялись представителями на праздниках и вечерах поэзии [20, ф. 9576, оп. 6, д. 31, с. 10].

Систематическими стали встречи между руководителями творческих литературных Союзов и видными литераторами для обсуждения актуальных проблем развития художественной литературы. Плодотворными были симпозиум 1971 г. «Образ современного героя» [21, ф. 110, оп. 27, д. 1115, л. 1], дискуссии 1974 и 1979 гг. на темы «Конфликт в жизни и литературе» [21, ф. 166, оп. 27, д. 1687, л. 3], «Современная литература и долг писателя» [12, 1979, № 5, с. 34]. В исследуемый период состоялось 13 такого рода встреч [21, ф. 166, оп. 27].

Особой формой контактов являются творческие командировки. За последние 12 лет с целью сбора материала для своих произведений в Югославии побывало около 40 советских писателей [21, ф. 166, оп. 27].

Югославская тематика получила отражение в творчестве Ч. Айтматова, В. Большака, М. Нагнибеды, В. Огнева и др. Югославские литераторы также охотно знакомятся с жизнью СССР. В 1973 г. они побывали в Москве и Сибири [15, 1973, 27 авг.], на следующий год — в Казахстане [21, ф. 166, оп. 27, д. 1687, л. 1], в 1976 г. — в Молдавии [15, 1976, 9 июня, с. 3] и других республиках. Впечатления от этих поездок нашли отражение в произведениях ряда писателей Югославии. Поездками по СССР навеяны темы некоторых сочинений Михаила Джерковича, Бранко Китановича, Бранко Николича, Десанки Максимович, Изета Сарайлича.

Духовные связи между народами немыслимы без деятельности переводчиков. В СССР переводами художественной литературы Югославии занято сейчас более 100 чел. [8], а в СФРЮ над произведениями советских авторов работают свыше 90 переводчиков [11]. Они часто встречаются с целью консультаций, обмена опытом. Представители советской литературы неизменно участвуют в ежегодных встречах переводчиков в Белграде и соответствующих встречах в Бледе (Словения), Каниже (Сербия), Пиране (Хорватия). Их югославские коллеги — частые гости Москвы, Киева, Баку, Ташкента. По свидетельству обеих сторон, полезными оказались, например, творческая встреча 1981 г. на тему «Современная советская и югославская литература для детей и юношества и проблемы ее перевода» [14, 1981, № 5, с. 29], семинар 1982 г. «Многонациональные советская и югославская литературы и проблемы их перевода» [14, 1982, № 4, с. 30].

На современном этапе творческие встречи литераторов СССР и СФРЮ участились. По подсчетам авторов, в течение исследуемого периода более 200 творческих работников выезжали на такие встречи [21, ф. 166, оп. 27]. Эти взаимные визиты стимулировали развитие уже сложившихся форм сотрудничества и породили новые.

Важной составной частью советско-югославских литературных связей являются непосредственные контакты между редакциями литературных газет и журналов. Они систематически обмениваются произведениями прозаиков и поэтов, литературоведов и литературных критиков. В 1971—1983 гг. журнал «Иностранная литература» опубликовал 102 произведения 33 югославских авторов. Отдельные номера «Иностранной литературы» и «Всесвита», «Огонька» и «Детской литературы» целиком посвящены литературам народов СФРЮ. За то же время на страницах «Всесвита» опубликованы сочинения 40 писателей и поэтов Югославии. Активно пропагандируют литературу югославских народов также журналы «Наш современник», «Новый мир», «Нева», поместившие 90 произведений 15 авторов. Но особенно важна роль книжных издательств. Они систематически знакомят советских читателей с произведениями классической и современной литературы СФРЮ. Благодаря квалифицированным переводам литература Югославии получила широкую известность в РСФСР, на Украине, в Молдавии, Грузии, Армении, Азербайджане, республиках Советской Прибалтики. Среди 32 центральных и республиканских издательств СССР, выпускающих югославскую художественную литературу [8; 9], наибольший удельный вес принадлежит «Художественной литературе» и «Прогрессу» [16, 1980, № 10, с. 60]. Значительный вклад вносят издательства союзных республик. Если с 1918 по 1982 гг. на 18 языках народов СССР издано 522 книги общим тиражом 26,209 млн. экз. [10, 1982, с. 100], то за последние 12 лет — 229 произведений, тираж которых составил почти 13,4 млн. экз. [10]. Сейчас ежегодно выходит в среднем 21 книга югославских авторов тиражом примерно в 1,2 млн. экз. Столь массовые тиражи невиданны даже в самой Югославии. В последние годы наблюдается еще одна тенденция. Если в 1971—1976 гг. в СССР издано 107 югославских книг современных писателей и поэтов, то в 1977—1982 гг. — 122 [8, 1971—1982; 9]. Крупным событием в культурной жизни СССР стало завершившееся недавно издание 15-томной библиотеки югославской литературы.

В исследуемый период активизировалась деятельность югославских издательств по пропаганде классической и отчасти современной литературы народов СССР на сербскохорватском, словенском, македонском и других языках. Количество издательств, выпускающих произведения советских авторов, достигло 34 [11]. Известно, как велики усилия империалистических

подрывных центров разжечь в современной Югославии чувства антисоветизма, буржуазного национализма. На этом фоне особенно ценен рост читательского интереса к творчеству советских авторов. Если в 1971—1976 гг. на языках народов Югославии были изданы произведения 56 представителей многонациональной литературы СССР, то в следующем пятилетии их количество возросло до 68 [11]. За последние годы в СФРЮ опубликовано несколько антологий советской поэзии, в которые вошли произведения свыше 40 советских авторов, в том числе современных (А. Вознесенского, Р. Гамзатова, Е. Евтушенко, Э. Межелайтиса). Популярностью пользуются в Югославии книги Ч. Айтматова, В. Быкова, В. Катаева, К. Симонова, М. Шолохова. С интересом восприняты читателями переводы романов: «Сибирь» Г. Маркова [19, 1983, 9 февр.], «Война» И. Стаднюка, «Блокада» А. Чаковского [13, 1981, № 10, с. 261]. Готовится издание «Библиотеки русской и советской литературы» на сербскохорватском языке в 120 томах, куда войдут произведения А. Герцена, Ф. Достоевского, М. Салтыкова-Щедрина, А. Толстого, М. Шолохова, В. Распутина, В. Шукшина и др. [17, 1983, 10 апр.]. Издание советской художественной литературы позволяет литераторам и всей общественности Югославии глубже познакомиться с достижениями социалистического реализма.

Таким образом, современный этап сотрудничества наших стран в сфере художественной литературы характеризуется неуклонным расширением и углублением. Наиболее эффективными формами сотрудничества являются взаимные визиты творческих работников, обмен делегациями в связи со знаменательными датами литературной жизни, совместное обсуждение актуальных проблем развития литературы и деятельности переводчиков, деловые связи между редакциями и издательствами, перевод и пропаганда лучших произведений художественной литературы. Опыт сотрудничества показывает, что эти формы с успехом могут практиковаться и в будущем. Более того, их возможности далеко не исчерпаны, они развиваются и совершенствуются. Особенно перспективны связи между породненными республиками и городами. Дружественные контакты благотворно отражаются на духовной жизни обеих стран, способствуют дальнейшему сближению и взаимообогащению их культур, упрочению принципов социалистического интернационализма в отношениях между народами, укреплению позиций социализма.

Список литературы: 1. Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. 2-е изд. М., 1983. 320 с. 2. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 17—18. М., 1960. 666 с. 3. Бабаев Г. Узы дружбы: Статьи и публикации. Баку, 1981. 180 с. 4. Бадалич И. Русские писатели в Югославии. М., 1966. 319 с. 5. Дзя-

гиль Н. К. Супраціоніітва Беларусі і Югославіі в галоне літэратуры і мастацтва (1956—1970).—Весці АН БССР, сер. грамад. навук, 1974, № 5, с. 58—86. 6. За дружбу з краіною Вялікаго Жовтня. Діяльнасць таварыстваў дружбы з СРСР в еўрапейскіх сацыялістычных краінах. К., 1977. 468 с. 7. *Посудневська Г. В., Канцедаль Л. Д.* Радянска-югаслаўскі літэратурні кантакты.—В кн.: *Взаімов'язкі літэратур краін сацыялістычнай співдружнасці*. К., 1981, с. 152—174. 8. *Ежегодник книги СССР. Систематический библиографический указатель*. М., 1971—1980. 9. *Книжная летопись. Государственный библиографический указатель*. М., 1971—1983. 10. *Печать СССР. Стат. сборник*. М., 1971—1982. 11. *Произведения советских писателей, переведенные на иностранные языки. Библиогр. указатель*. М., 1977—1981. 12. *Всесвіт*. 13. *Иностранная литература*. 14. *Информационный бюллетень Союза писателей СССР*. 15. *Литературная газета*. 16. *Литературное обозрение*. 17. *Правда*. 18. *Борба*, орган Соціалістычнага Саюза працоўнага народа Югославіі. 19. *Політика*. Ежедневная газета. 20. *Архив* Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами. 21. *Архив* Союза писателей СССР.

Поступила в редколлегию 30.09.83.

Г. В. ЗГУРСКИЙ

ВСЕРОССИЙСКАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА 1887 г. В ХАРЬКОВЕ

История сельскохозяйственных выставок — это важная составная часть истории развития производительных сил общества. Научная оценка социально-экономического значения выставок дана основоположниками марксизма-ленинизма, которые показали, что выставки, являясь порождением определенных экономических условий, сами способны оказывать существенное влияние на развитие промышленности, сельского хозяйства, транспорта и торговли [1, т. 7, с. 456; т. 8, с. 195; т. 34, с. 292]. Особое значение придавали К. Маркс и Ф. Энгельс международным, всемирным выставкам. К. Маркс использовал их материалы при написании «Капитала» [1, т. 23, с. 389—390].

Хотя сельскохозяйственные выставки и не имели такого широкого резонанса, как промышленные и художественные, их социально-экономическое значение велико. Знакомя население с достижениями отечественного и зарубежного сельского хозяйства, они способствовали ускорению развития капиталистических отношений в деревне.

Между тем история российских сельскохозяйственных выставок изучена далеко не полно. Лишь в 50-е годы появляются работы, в которых используются материалы выставок, анализируются некоторые из них [4; 5]. Последние годы характеризуются возрастанием интереса к истории выставочного дела. В 1979 г. опубликована содержательная статья Д. И. Будаева, посвященная Смоленской губернской выставке 1835—1837 гг. [3], а в 1982 г. появилась статья Ю. А. Белоножки о первых сельскохозяйственных выставках Сибири и Дальнего Востока [2]. Однако выставки Украины в целом и в частности ее Левобережья остаются неизученными.

Интересной страницей в истории выставок является Всероссийская сельскохозяйственная выставка 1887 г. в Харькове — крупнейшая для того времени. В данной статье автор предпринимает попытку охарактеризовать эту выставку, используя материалы местных хозяйственно-статистических изданий, описания выставок и протоколы сельскохозяйственных съездов, документы городской управы из фондов Харьковского областного государственного архива.

Харьков, который в XIX — начале XX в. был значительным хозяйственным и культурным центром Юга России, сыграл важную роль в развитии выставочного дела. С 1842 г. здесь впервые в стране началась организация выставок тонкорунного овцеводства [4, с. 180]. В 1849, 1854 и 1859 гг. в Харькове проводились окружные сельскохозяйственные выставки для пяти губерний — Киевской, Курской, Полтавской, Харьковской и Черниговской [6; 7; 14]. В пореформенный период в Харькове проходили съезды сельских хозяев, в том числе и общерусские, на которых обсуждались актуальные вопросы развития сельскохозяйственного производства и выставочного дела [15]. В 1884 г. по инициативе Харьковской шерстяной компании состоялась крупная международная выставка овец-мериносов: в ней приняли участие овцеводы России, Франции и Пруссии. Организацией выставок активно занималось и созданное в 1880 г. Харьковское общество сельского хозяйства. В год своего основания общество провело комплексную губернскую выставку, а в 1882—1884 гг. устраивало региональные семенные выставки, сыгравшие важную роль в организации местного производства посевных семян.

Именно в Харьковском обществе сельского хозяйства и родилась идея о проведении в Харькове Всероссийской сельскохозяйственной выставки. До этого выставки общероссийского масштаба организовывались только в Петербурге (1850 и 1860 гг.) и Москве (1864 г.) После 1864 г. такие выставки не проводились в связи с кризисом выставочного дела, вызванным сложными процессами перестройки экономики страны на капиталистических началах. Предложение об устройстве новой выставки такого рода не случайно было выдвинуто в Харькове. Председатель сельскохозяйственного отдела Вольного экономического общества, видный русский агроном А. В. Советов в связи с этим отмечал: «После реформ центр тяжести русского сельского хозяйства передвинулся с севера на юг. Поэтому идея о восстановлении всероссийских сельскохозяйственных выставок должна была возродиться не на севере, а на юге, и где же ей всего естественнее было возникнуть, как не в центре черноземной полосы, т. е. в Харькове» [13, с. 3].

На заседании 22 ноября 1884 г. Харьковское общество сельского хозяйства приняло решение «ходатайствовать об устройстве в г. Харькове в 1886 г. сельскохозяйственной и промышлен-

ленной выставки» [12, с. 328]. Выгодное географическое положение, важное хозяйственное значение города и почти полувековой опыт организации выставок позволяли рассчитывать на успех. Министерство государственных имуществ одобрило идею проведения в Харькове Всероссийской сельскохозяйственной выставки «с допущением кустарного производства и предметов обрабатывающей промышленности» и назначило временем ее проведения сентябрь 1887 г. [16, ф. 45, оп. I, д. 1349, л. 1].

Это министерство ассигновало на проведение выставки 10 тыс. р. Министерство финансов выделило 5 тыс. р. на кустарный отдел. Со своей стороны Харьковское общество сельского хозяйства ассигновало 2 тыс. р. В субсидировании выставки приняли участие и земские учреждения: Харьковским губернским земским собранием было выделено 2 тыс. р., а Полтавским — 1 тыс. р. Но этих средств было все же недостаточно для проведения столь крупной выставки, поэтому товарищ председателя сельскохозяйственного общества А. Зайкевич обратился в Харьковскую городскую управу с просьбой выделить для выставки 10 тыс. р. Его просьба была частично удовлетворена: городская управа передала в распоряжение общества 5 тыс. р. [16, ф. 45, оп. I, д. 1349, л. 1, 3, 4].

Министерство государственных имуществ участвовало в выставке и в качестве экспонента, представив продукцию своих ферм — Петровской, Харьковской, Казанской, Марининской и др. Кроме продуктов, каждая из ферм представила на выставку организационные планы [13, с. 4].

По территориальному охвату Харьковская выставка 1887 г. не знала себе равных: в ней приняли участие представители из Архангельской губернии, Польши, Туркестана и Закавказья, хотя, конечно, преобладала на выставке продукция черноземной полосы России. Харьковская выставка превосходила все предшествующие и по числу представленных экспонатов. Показательно, что в Петербурге вся выставка помещалась в здании Михайловского манежа, а в Харькове для ее размещения было оборудовано 33 больших специализированных павильона [8].

К особенностям харьковской выставки относится появление значительного числа «картин хозяйства», представлявших собой сведения о всей сельскохозяйственной продукции данного имения, хозяйства [13, с. 3]. Это было распространением опыта Харьковского общества сельского хозяйства по сбору аналогичных сведений на семенных выставках 1882—1884 гг., заслужившего одобрение специалистов и участников выставок.

На выставке 1887 г. было построено несколько демонстрационных павильонов: молочный отдел, в котором «на глазах публики варили сыры и приготавливали разные сорта масла» [13, с. 4], павильоны для производства черепицы, для сушки и кон-

сервирования фруктов. Новинкой на сельскохозяйственной выставке был обширный научный отдел.

Всего на выставке действовало девять главных отделов, из которых самым богатым по количеству представленных экспонатов и по территориальному охвату был отдел «произведений земледелия». «Он более, чем какой-либо другой отдел, имеет право называться всероссийским», — отмечали организаторы выставки [13, с. 110]. Здесь демонстрировали свои продукты более трехсот экспонентов. 160 экспонентов представили на выставку хлебные злаки из большинства губерний Европейской части России, а также из Оренбурга, Закавказья и Самарканда [13, с. 111]. В качестве экспонентов, помимо отдельных предпринимателей, выступили 10 губернских статистических комитетов, представивших коллекции крестьянских хлебов. В отделе были выставлены также коллекции Варшавского музея промышленности и сельского хозяйства Кавказского, Полтавского, Змиевского и одного из ливонских обществ сельского хозяйства. Это открывало возможности для сравнительного изучения материалов. За представленные экспонаты в земледельческом отделе было присуждено 4 золотых, 28 больших и 43 малых серебряных, 46 бронзовых медалей, а также 35 похвальных листов и отзывов [13, с. 110—112].

Важное место на выставке принадлежало отделу крупного рогатого скота. 193 экспоната от 37 экспонентов из 15 губерний России занимали три специальных павильона [8]. Харьковская губерния была представлена наиболее полно: 6 участников выставили 41 экспонат. Представители Екатеринославской губернии экспонировали 31 животное, Полтавской — 29, Таврической — 17, Курской — 13, Херсонской — 11. Остальные 9 губерний выставили 51 экспонат.

Приведенные цифры показывают, что 5 украинских губерний дали около 67% экспонировавшихся животных. Однако, хотя отдаленные от Харькова губернии были представлены слабее, на выставке демонстрировались почти все имевшие хозяйственное значение породы скота [13, с. 28].

Богатство животноводческой экспозиции позволило экспертной комиссии сделать важные научно-практические выводы о перспективах разведения тех или иных пород скота в русских условиях. По мнению комиссии, «серому степному скоту, как самому распространенному в России, следует отдать преимущество пред всеми другими породами — за его рабочую способность, выносливость, неприхотливость и достаточную продуктивность» [13, с. 29].

Большой интерес вызвал отдел сельскохозяйственных машин и орудий. В нем была представлена продукция 40 русских и многих иностранных экспонентов [13, с. 58]. По ряду показателей этот отдел харьковской выставки превосходил аналогичный отдел Всероссийской художественно-промышленной выстав-

ки 1882 г. в Москве, в частности по сенокосилкам и конным молотилкам [13, с. 74, 85]. Экспертная комиссия отметила успехи, достигнутые русским сельскохозяйственным машиностроением за минувшие пять лет.

Успехом пользовался в Харькове и молочный отдел. Несмотря на то, что северные районы были представлены слабо, коллекции масла и сыров отличались достаточной полнотой.

Особое место занимал отдел коневодства, в котором было выставлено 235 лошадей — больше, чем на всех предшествующих выставках, за исключением московской 1882 г. Но в данном случае экспонировались почти исключительно помещичьи лошади, поэтому самым большим было отделение рысистых — 84 экспоната [10, с. 18]. Организаторы не оплачивали доставку экспонатов из отдаленных районов, вследствие чего крестьянские рабочие лошади на выставке были представлены очень бедно. Тем не менее отдел вызывал интерес коннозаводчиков и покупателей лошадей, поскольку здесь устанавливались прямые контакты между ними, отсутствовавшие на ярмарках [10, с. 13].

Программой научного отдела выставки предусматривалось «представить наглядно те успехи, которые были сделаны на поприще научного сельского хозяйства в последнее время» [13, с. 151]. Здесь демонстрировались коллекции Петровской сельскохозяйственной академии (шерсти, кормовых злаков, картограмм по сельскохозяйственной статистике и т. п.), а также учебные приборы по физиологии растений, метеорологические таблицы и издания по сельскому хозяйству [9, с. 3]. Во время выставки почти ежедневно проходили заседания Харьковского общества сельского хозяйства, на которых заслушивались доклады по самым разнообразным отраслям практического сельского хозяйства и сельскохозяйственной науки. Каждое из этих заседаний посещали 170—180 чел. Наряду с узкоспециальными проблемами дебатировались вопросы «О международном хлебном рынке», «О сельскохозяйственном кризисе» и др. [9]. Выдающийся русский ученый В. В. Докучаев выступил с докладом «О нормальной оценке почв России». В своей работе он отметил заслуги харьковских ученых В. М. Черняева и И. Ф. Леваковского в оценке чернозема [9, с. 38].

К выставке был приурочен также конкурс сенокосилок, сноповязалок и молотилок, который, однако, не полностью оправдал надежды организаторов, поскольку был проведен в августе, за 40 дней до открытия выставки, когда большинство участников и посетителей еще не съехалось.

Несмотря на несомненный успех, выставка не была лишена и определенных недостатков, главным из которых проф. А. В. Советов назвал «полное отсутствие представителей крестьянского хозяйства» [13, с. 4]. Это не означает, что крестьянское хозяйство вообще не было представлено на выставке — 2 тыс. экспо-

натов крестьянского производства здесь имелось, — но «все эти образцы явились на выставку помимо крестьян и без всякого участия с их стороны, а были собраны статистическими комитетами, земствами и другими официальными деятелями» [13, с. 4]. Выставка, таким образом, не имела для крестьян подлинно агрикультурного значения. Как и многие другие выставки капиталистической России, Харьковская выставка 1887 г. вылилась по сути дела в расширенный аукцион, стала местом торговых сделок между землевладельцами, купцами и промышленниками, использовалась крупными фабрикантами в рекламных целях. Эти недостатки, вытекавшие из природы общественного строя, утверждавшегося в России, не могли быть ликвидированы в его рамках. Хотя Харьковское общество сельского хозяйства и пыталось впоследствии более широко привлекать крестьян к участию в экспозициях, создавая и совершенствуя сеть уездных и местных выставок, данные меры не могли исправить положение, поскольку и эти выставки проводились в первую очередь в интересах зажиточной части сельского населения, в то время как разорявшиеся крестьяне не получали действительной помощи, не могли воспользоваться усовершенствованными орудиями и достижениями сельскохозяйственной науки, пропагандировавшимися на выставках.

Тем не менее Всероссийская сельскохозяйственная выставка 1887 г. в Харькове не только стала важным событием для сельского населения и специалистов, но и привлекла внимание передовой общественности к актуальным проблемам сельского хозяйства, к трудностям и перспективам его развития. Выставка способствовала подъему ряда отраслей сельского хозяйства самой Харьковской губернии, в частности молочного хозяйства. На выставке 1887 г. была проложена одна из первых в Харькове телефонных линий [16, ф. 45, оп. 1, д. 1349, л. 6, 7].

Харьковская выставка отличалась от предшествующих целым рядом новых черт и знаменовала собой переход выставочного дела на более высокую стадию развития. Необходимость такого перехода диктовалась капиталистической перестройкой сельского хозяйства и промышленности. Выставка не только познакомила гостей и участников с достижениями и трудностями российского сельского хозяйства, но и стала одновременно крупной научной конференцией. Исключительно важное значение имел сбор хозяйственных сведений во время подготовки и проведения выставки. Этот опыт впоследствии успешно применялся на других крупных выставках в Харькове и в других городах России. Харьковская выставка 1887 г. стала ступенью на пути к проведению в городе крупнейшей дореволюционной специализированной выставки животноводства 1903 г., приобретшей, по существу, международный характер [11]. Организация выставки 1887 г. служила примером и для устроителей круп-

нейшей комплексной сельскохозяйственной выставки 1913 г. в Киеве.

Таким образом, Всероссийская сельскохозяйственная выставка 1887 г. в Харькове явилась важным звеном в цепи дореволюционных выставок общероссийского масштаба и не уступала по своему значению более известным столичным выставкам.

Список литературы: 1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. 2. *Беленожко Ю. А.* Первые сельскохозяйственные выставки в Сибири и на Дальнем Востоке.— История СССР, 1982, № 6, с. 142—145. 3. *Будаев Д. И.* Смоленская губернская выставка. — *Вопр. истории*, 1979, № 3, с. 210—215. 4. *Дмитриев С. С.* Возникновение сельскохозяйственных выставок в России.— В кн.: *Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России*. М., 1961, с. 172—180. 5. *Иваницкий И. П.* Сельскохозяйственные выставки в феодальной России.— В кн.: *Очерки истории музейного дела в России*. М., 1961, с. 160—182. 6. [*Кочетов В. А.*] Описание харьковской выставки сельских произведений 1854 г. Харьков, 1854. 64 с. 7. [*Кочетов В. А.*] Харьковская очередная выставка сельских произведений 1859 г. Харьков, 1860. 143 с. 8. *План Всероссийской сельскохозяйственной выставки в Харькове 1887 г.* Б. м., Б. г. 1 л. 9. *Протоколы заседаний экстренных общих собраний членов Харьковского общества сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности в 1887 г.* Харьков, 1888. 292 с. 10. [*Самсонов*]. Отчет по конскому отделу Всероссийской сельскохозяйственной выставки в Харькове. Харьков, 1888. 34 с. 11. *Указатель Всероссийской выставки животноводства в г. Харькове 14—25 сентября 1903 г.* Харьков, 1903. XXVIII, 188 с. 12. *Харьковский календарь на 1892 год*. Харьков, 1892. XII, 368, 196 с. 13. *Харьковский сборник*. Харьков, 1888. VI, 288, 111 с. 14. [*Ходецкий А.*] Описание харьковской выставки сельских произведений в 1849 г. Харьков, 1850. 56 с. 15. *Четвертый съезд русских сельских хозяев в Харькове в декабре 1874 г.* Одесса, 1875. 684, 8 с. 16. *Харьковский облгосархив*.

А. М. АВРАМЕНКО

СООТНОШЕНИЕ ПОМЕЩИЧЬЕГО И КРЕСТЬЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ НА ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Изучение соотношения помещичьего и крестьянского земле- владения в начале XX в. дает возможность не только раскрыть исторические предпосылки буржуазно-демократических и социалистической революций в российской деревне, но и определить специфику социально-экономического развития различных регионов страны. Такое исследование проводилось по Европейской России [4, с. 75—87], но вследствие значительных местных особенностей необходимо проследить соотношение помещи- чьей и крестьянской земельной собственности по губерниям и даже по уездам. Объектом исследования данной статьи явля- ется Левобережная Украина.

Основным источником для выяснения социальной структу- ры землеуладения являются материалы земельных переписей Центрального статистического комитета (ЦСК), проведенных в 1877/78, 1887 и 1905 гг. [9—15]. Но этот источник имеет ряд

существенных недостатков, которые необходимо учитывать. Составители «Статистики землевладения 1905 года» указывали, что ввиду разной методики подсчета при определении числа личных владений и их среднего размера данные 1905 г. приходится сравнивать с цифрами 1887, а не 1877 г. [12, с. 7]. Особенно эти расхождения велики в отношении крестьянских владений. Еще в предисловии к «Главнейшим данным поземельной статистики по обследованию 1887 года» отмечалось, что число частных владельцев крестьянского сословия, по данным 1877 г., в большинстве случаев должно значительно превышать число владений 1887 г., но для других сословий эта разница в приемах исчисления не имеет большого значения [9, с. 3].

Действительно, во время первой переписи земли товариществ делили по числу участников, и каждого из них учитывали как самостоятельного владельца. Во время второй переписи к числу личных были добавлены товарищеские и общественные владения, что также завышало число единоличных собственников, хотя и в меньшей степени. В 1905 г. этот недостаток устранили, и личная собственность была учтена отдельно, за исключением Гадяцкого, Кобеляцкого и Лохвицкого уездов, в которых личные крестьянские владения были смешаны с наделными землями*. Все это делает невозможным сравнение количества владельцев крестьянского сословия по данным переписей ЦСК. Несомненно, что число собственников росло, но в какой степени — определить трудно.

К сожалению, в 1887 г. не сделали группировку по величине владений. Можно сравнить лишь данные 1877/78 и 1905 гг., хотя в первом случае суммировали собственность отдельных владельцев на территории уезда, а во втором — учитывали каждое владение особо. Но в методике проведения этих переписей было и много общего. Вследствие того, что в 1905 г. ЦСК требовал сверять все данные по окладным книгам, из учета почти выпала неудобная земля [12, с. 3], как и в 1877/78 гг. Кроме того, по свидетельству полтавского земского статистика М. В. Рклицкого, в окладных книгах землевладение частных собственников (по крайней мере, привилегированных сословий) в пределах уезда обычно суммировалось и, таким образом, число владений соответствовало числу владельцев [8, с. 302].

Вероятно, по этой причине пересчет данных 1905 г. по методике, принятой в 1877 г., показал, что средние размеры земельной собственности дворян Харьковской губернии в группах до 5000 дес. практически не изменились. Лишь у более крупных латифундистов расхождения были ощутимы [2, с. 29—30]. Это свидетельствует о том, что размеры собственности у частных

* Предположительно в Гадяцком уезде в 1905 г. было 28 тыс. дес. личной крестьянской собственности, в Кобеляцком — 43 тыс. дес. и в Лохвицком — 31 тыс. дес. [14, с. 44].

землевладельцев в 1877/78 и 1905 гг., с известными оговорками, можно сравнивать. Что касается числа владений, то абсолютные цифры несопоставимы. Целесообразнее сравнивать изменение доли мелких, средних и крупных владельцев (владений) в 1877—1905 гг., т. е. относительные цифры.

Прежде чем перейти к подсчету площади помещичьей и крестьянской земельной собственности, необходимо определить, что подразумевается под этими понятиями. Вслед за большинством современных исследователей, автор относит частные личные владения площадью свыше 50 дес. к помещичьей собственности. Сложнее обстоит дело с мелкими владениями. Многие обедневшие дворяне, особенно потомки казачьей старшины, по бытовому укладу мало отличались от крестьян. Более того, известны отдельные случаи перехода дворян в крестьянское сословие. Однако нельзя всех мелких землевладельцев отождествлять с крестьянами. Многие дворяне, купцы, почетные граждане, имевшие ничтожные владения, в то же время состояли на службе и получали жалование. То же можно сказать и о духовенстве. Земля была не единственным источником дохода таких владельцев. Крестьянство же было бесправным сословием, опутанным многочисленными поборами и стеснениями, мешавшими нормальному ведению хозяйства. Поэтому необходимо проанализировать основные тенденции в эволюции мелкого землевладения, чтобы определить, какую часть его можно отнести к владениям крестьянского типа в социальном, а не сословном отношении.

Изменения в структуре мелкой частной личной собственности (до 50 дес.) на Левобережной Украине в 1877—1905 гг. по

Таблица 1

Сословия	Год	Группы владений							
		0—10 дес.		11—20 дес.		21—50 дес.		0—50 дес.	
		владель-	земли,	владель-	земли,	владель-	земли,	владель-	земли,
		Число цев, % Площадь %		Число цев, % Площадь %		Число цев, % Площадь %		Число цев, % Площадь %	
Дворяне	1877/78	40,2	10,5	23,2	20,2	36,6	69,3	100	100
	1905	57,8	17,8	18,8	22,2	23,4	60,0	100	100
Купцы и почет- ные граждане	1877/78	57,4	12,2	17,7	21,5	24,9	66,3	100	100
	1905	64,1	20,5	17,9	25,1	18,0	54,4	100	100
Мещане	1877/78	82,3	33,5	10,0	25,2	7,7	41,3	100	100
	1905	83,3	37,9	9,6	23,7	7,1	38,4	100	100
Крестьяне	1877/78	80,0	35,6	11,8	25,9	8,2	38,5	100	100
	1905	82,5	41,7	10,9	25,4	6,6	32,9	100	100
Все сословия	1877/78	70,1	23,0	14,6	23,5	15,3	53,5	100	100
	1905	79,0	35,1	12,0	24,7	9,0	40,2	100	100

казаны в табл. 1, составленной по материалам переписей ЦСК. Конечно, тут возможны некоторые отклонения, вызванные хотя бы тем, что крестьяне имели и надельную землю, а многие состояли также в товариществах. Все же таблица, по мнению автора, отражает основные тенденции.

Группировка по величине владений, отдельно по каждому сословию, позволяет обнаружить сходные черты в структуре собственности дворян, купцов и почетных граждан, с одной стороны, мещан и крестьян — с другой. В 1877/78 гг. у дворян и купцов по площади преобладало более крупное землевладение (21—50 дес.): у первых — 69,3, у вторых — 66,3%. В процентном отношении таких собственников среди этих сословий было гораздо больше, чем у мещан и крестьян. В то же время тех, кто имел до 10 дес., насчитывалось среди дворян (имеются в виду только мелкие собственники) 40,2%, а среди купцов — 57,4%. Совершенно противоположная картина была у мещан и крестьян: подавляющее большинство владельцев принадлежало к низшей группе, а наиболее крупные собственники имели лишь две пятых всей площади землевладения этих сословий.

Таким образом, даже среди мелких частных владельцев сказывалась сословная принадлежность. По подсчетам автора, в 1877/78 гг. в трех группах собственников (до 10 дес., 11—20 и 21—50 дес.) дворян было соответственно 12,6, 34,8 и 52,4%. Процент купцов и почетных граждан также был выше среди более крупных владельцев. Наоборот, доля крестьян и мещан в тех же группах понижалась с увеличением площади землевладения (у первых — с 50,0 до 23,5%, у вторых — с 25,3 до 10,8%). Подобное положение сохранилось и к 1905 г., хотя представительство крестьян namного увеличилось в каждой группе. Тогда уже до 70% мелких собственников были крестьянами, а 12,4% — мещанами. Этим сословиям принадлежало 71,3% площади мелкого личного землевладения.

Указанные отличия в изменении структуры мелкой собственности наводят на мысль, что к землевладению крестьянского типа можно отнести только владения собственно крестьян и мещан. Конечно, часть мещан может быть лишь условно причислена к крестьянам в социально-экономическом смысле, но зато некоторая часть дворян определенно вела крестьянский образ жизни. Поэтому разница должна в какой-то мере нивелироваться.

К крестьянскому землевладению (в социально-экономическом, а не сословном смысле) следует отнести также собственность крестьянских и мещанских товариществ, крестьянских обществ и надельные земли *. Общая площадь этого землевладения, как видно из табл. 2, составила 6 632 118 дес. в

* В материалах переписей ЦСК в состав крестьянских надельных включены также казацкие старонаследственные земли.

1877/78 гг. и 8 568 908 — в 1905 г. Здесь же необходимо дать некоторые пояснения. В площадь 1877/78 гг. включены выпавшие из учета 1 823 дес. наделных земель бывших удельных крестьян в Ахтырском уезде*, 25 дес. евреев-земледельцев (одна община в Мглинском уезде), 61 дес. цыган (одна община в Черниговском уезде), 3 560 дес. колонистов (шесть общин в Борзенском уезде), а также земли отставных солдат. Сюда же попали все личные крестьянские владения Гадячского, Кобелякского и Лохвицкого уездов, которые оказались смешанными с наделными землями. Но указанные поправки имеют лишь локальное значение, и на итоговые результаты заметно повлиять не могут. В обоих случаях земли мешан составили примерно 1%, и на результат также почти не повлияли.

В 1877—1905 гг. количество крестьянских дворов, не считая безземельных, возросло с 819 433 до 1 178 345, т. е. в 1,44 раза. В то же время площадь крестьянской земли увеличилась в 1,3 раза, но значительная ее часть, как известно, попала в руки кулачества. Это лишь обостряло малоземелье.

Главным тормозом социально-экономического развития деревни было помещичье землевладение. Признавая таковым частные личные владения размером более 50 дес., получим следующие цифры: в 1877/78 гг. на Левобережной Украине 11 408 помещиков имели 4 785 288 дес., а в 1905 г. у 10 909 помещиков было 3 588 427 дес. земли. Доля помещиков среди всех частных личных владельцев соответственно снизилась с 17,6 до 7,8%, а площадь их земель — с 90,5 до 79,8%.

Были и другие категории землевладения, стеснявшие развитие крестьянского хозяйства. Сюда относятся владения торгово-промышленных товариществ, удельные земли, принадлежавшие коллективному помещику — царской фамилии. Часть земли сдавало в аренду крестьянам казенное ведомство, установившее обременительную плату за пользование лесными материалами. Эксплуатация осуществлялась полуфеодальными методами. Согласно «Главнейшим данным поземельной статистики по обследованию 1887 года», в рассматриваемом регионе казне принадлежало 369 901 дес. удобной земли, в аренду же сдавалось 97 031 дес. По отношению к пашне, сенокосам и пастбищам, охватывавшим площадь в 1 014 83 дес., это составляло 95,6%. Леса, занимавшие 266 215 дес., строго охранялись. В 1888 г. был издан закон о «лесных правонарушениях», но из-за безвыходного положения крестьяне все чаще осуществляли самовольные порубки и пасли скот в лесах. В связи с этим в 1903 г. штрафы были увеличены примерно вдвое [4, с. 95]. Казенное землевладение так же, как удельное и помещичье, противостояло крестьянской собственности.

* Эти земли упомянуты лишь однажды [15, с. 7] и в итоговую цифру не попали.

Земельную тесноту обостряло наличие церковного и монастырского землевладения. За 1877—1905 гг. церковные владения увеличились в регионе с 90355 до 106347 дес., а монастырские — с 16 690 до 28 891 дес. * «Причтовые» земли нарезались духовенству на лучших участках в среднем по 60 дес. на причт, состоявший из священника, дьякона и псаломщика. Часть этой земли обычно сдавалась в аренду, а другую крестьяне обрабатывали «за водку» или исполу, а иногда просто «за спасение души» [5, с. 9]. Монастыри также использовали землю для полукрепостной эксплуатации крестьян. Более того, часть их владений являлась латифундиями. Статистика ЦСК не позволяет выяснить, сколько земли принадлежало каждому монастырю. По данным же Синода за 1890 г., из 32 монастырей Левобережной Украины, имевших земельную собственность, восемь имели владения свыше 500 дес. Наиболее крупные владения (4 439 дес.) принадлежали Ряснянскому монастырю в Ахтырском уезде [7, с. 22, 23, 31—33]. Все эти земли могли обрабатываться только трудом окрестных крестьян.

Соотношение помещичьего и крестьянского землевладений в исследуемом регионе в 1877—1905 гг. показано в табл. 2, из которой видно, что в 1905 г. 10 909 владельцев (0,9% собственников) имели 27,5% всей земли, а всего помещикам, торгово-промышленным товариществам, удельному и казенному ведомствам, монастырям и церкви принадлежало 31,3% земель (в 1877/78 гг.—43,4%). Для сравнения: в Европейской России в 1905 г. частным владельцам, имевшим свыше 50 дес., принадлежало 36,2% площади землевладения [4, с. 76], т. е. заметно больше, чем на Левобережной Украине. Но гнет помещичьего землевладения не был пропорционален доле этих владений в общем земельном фонде.

По подсчетам автора, в наибольшей степени общая площадь владений помещиков, казны, удела, монастырей и церквей сократилась на юго-западе Черниговской губернии, изобиловавшей болотами и лесами. В 1877/78 гг. в Остерском уезде указанным разрядам собственников принадлежало 59,3% всех земель, а к 1905 г. доля этих разрядов снизилась до 27,3%, главным образом за счет казенных земель. Несколько меньшее сокращение (на 21,3—26,6%) произошло в Козелецком, Черниговском и Городнянском уездах. В то же время в Сумском и Харьковском уездах доля землевладения названных разрядов возросла на 5,6 и 5,7%, а в Ахтырском, Лебединском, Купянском и Валковском уездах сокращение не превышало 5%. Большая часть этой территории совпадала с основным районом свеклосахар-

* В 48-м выпуске «Статистики землевладения 1905 года» (Полтавская губерния) в таблице «Земли государства, церкви и учреждений в 1905 и 1877 годах» (с. 41) ошибочно пропущена рубрика «удельные земли» и, таким образом, заголовки рубрик 3—8 оказались смещенными влево и не соответствуют содержанию. Этот дефект учтен при подсчетах.

ного производства, дававшего помещикам огромные доходы. Несмотря на сокращение, и в 1905 г. землевладение помещиков, торгово-промышленных товариществ, казны, удела, церкви и монастырей составляло, как правило, от 20 до 48% всей площади уезда. Даже в Козелецком уезде, где только 16,1% территории все еще занимали владения указанных разрядов, 24479 дес. принадлежало латифундиям, от которых страдало окрестное крестьянское население.

Таблица 2

	Крестьянские земли		Помещичьи земли		Помещичьи владения вместе с землями торгово-промышленных товариществ, казны, удела, монастырей и церкви	
	1877/78 г.	1905 г.	1877/78 г.	1905 г.	1877/78 г.	1905 г.
Число дворов	819433	1178345				
Число владений (владельцев)			11408	10909		
Площадь земель, дес.	6632118	8568908*	4785288	3588427	5343504	4088370**
% от всей площади региона	53,8	65,5	38,8	27,5	43,4	31,3

* Исключены 14289 дес. товарищества наследников Л. Е. Кёнига в Богодуховском уезде, ошибочно включенные в «Статистике землевладения» в рубрику «крестьянские товарищества» [12, с. 17; 16, ф. 1290, оп. 6, д. 92, л. 321].

** Исключены неудобные земли казны и удела: в Полтавской губ. — 1917 дес. казенной и 4195 дес. удельной земли, в Харьковской — 10259 и 507 дес., в Черниговской — 12868 дес. казенной земли.

Сопоставление данных об удельном весе латифундий среди частного личного землевладения размером свыше 50 дес. показывает, что изменения произошли незначительные. Если в 1877/78 гг. доля латифундий составляла 69,7%, то в 1905 г. — 62,6%. Хотя в некоторых уездах удельный вес латифундий среди помещичьего землевладения заметно уменьшился (в Ново-зыбковском, Зеньковском, Константиноградском и Глуховском уездах — более чем на 15%), в большей части Полтавской и на северо-западе Харьковской губерний сокращение было минимальным, а в шести уездах доля латифундий даже увеличилась (Ахтырском, Богодуховском, Сумском, Лохвицком, Роменском, Прилукском уездах). В основном этот район совпадает с зоной наименьшего сокращения дворянской земельной собственности за этот же период [2, с. 25, 27]. Это объясняется тем,

что бо́льшая часть латифундального землевладения принадлежала дворянству. Даже в 1905 г. 72,1% латифундистов были представителями господствующего сословия. Им принадлежало 78,2% площади латифундий. Основные изменения в структуре помещичьей собственности за 1877—1905 гг. показаны в табл. 3, из которой видно, что доля помещичьего землевладения буржуазного происхождения заметно возросла. В то же время, чем крупнее была земельная собственность, тем прочнее оказывались позиции дворянства.

Таким образом, накануне первой русской революции помещичье землевладение на Левобережной Украине оставалось в значительной степени латифундальным. Основу его составляла дворянская земельная собственность. Наряду с крупными полуфеодальными латифундиями существовали и огромные земельные империи таких капиталистов, как Харитоненко, Терещенко, Кёниг. В России (в том числе и в исследуемом регионе), таким образом, «сформировался новый социальный слой помещиков-буржуа, которые, с одной стороны, выступали как организаторы капиталистического производства, а с другой — как носители полукрепостнических форм землевладения и кабальных форм эксплуатации крестьянства» [6, с. 224]. Это, несомненно, обостряло аграрный вопрос.

Таблица 3

Группы владений, дес.	Владения				Площадь землевладения			
	Помещи-ков-дво-рян кол-во		Помещи-ков из других сословий кол-во		Помещи-ков-дво-рян (дес. %)		Помещи-ков из других сословий, (дес. %)	
	%	%	%	%	%	%	%	%
1877/78 гг.								
51—100	2908 32,18	69,3	1291 54,43	30,7	210491 5,00	69,8	91238 16,02	30,2
101—500	4259 47,13	82,9	880 37,10	17,1	980852 23,27	85,3	168958 29,66	14,7
свыше 500	1869 20,68	90,3	201 8,47	9,7	3024390 71,74	90,7	309359 54,32	9,3
Итого:	9036 100,0	79,2	2372 100,0	20,8	4215733 100,0	88,1	569555 100,0	11,9
1905 г.								
51—100	1924 33,50	41,8	2675 51,72	58,2	136975 5,48	42,2	187560 17,23	57,8
101—500	2695 46,93	56,7	2057 39,82	43,3	616601 24,66	62,5	370513 34,04	37,5
свыше 500	1124 19,57	72,1	434 8,4	27,9	1746481 69,9	78,2	485999 44,7	21,8
Итого:	5743 100,0	52,6	5166 100,0	47,4	2500057 100,0	69,7	1088370 100,0	30,3

Хотя доля крестьянского землевладения возросла к 1905 г. до 65,5%, нельзя забывать, что значительная часть земли попала в руки зажиточных элементов. Неразмежеванность и чересполосность земли крестьян с помещиками, казной и уделами, дробность и дальность участков, ограничения в праве распоряжаться надельной землей и другие пороки крестьянского землевладения значительно ухудшали условия ведения хозяйства и ставили крестьянство в зависимость от вчерашних крепостников. В. И. Ленин отмечал, что надел «был так мал, так обременен чрезмерными платежами, так неудачно для крестьянина и «удачно» для помещика отмежеван, что «надельный» крестьянин неминуемо попадал в положение безысходной кабалы, оставался фактически в крепостнических отношениях, отработывал ту же барщину (под видом аренды за отработки и т. п.)» [1, т. 20, с. 164]. Рост населения еще более обострял малоземелье, так как сокращались размеры наделов [3, с. 123—124]. Ограничения, присущие надельному землевладению, являлись тормозом для дальнейшего развития хозяйства. Ломка старого землевладения, как помещичьего, так и крестьянского, стала безусловной экономической необходимостью [1, т. 17, с. 97], поэтому крестьяне стали бороться за национализацию не только помещичьих, но и всех земель.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Авраменко А. М. Дворянское землевладение на Левобережной Украине в конце XIX — начале XX в.—Вестн. Харьк. ун-та, 1983, № 238, с. 24—31. 3. Авраменко А. М. Крестьянское землевладение на Левобережной Украине в конце XIX — начале XX вв.—Вопросы истории СССР, Харьков, 1983, вып. 28, с. 121—127. 4. Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881—1904. М., 1980. 240 с. 5. Емелях Л. И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.; Л., 1965. 201 с. 6. Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: Источники и методы изучения. М., 1982. 264 с. 7. Любинецкий Н. А. Землевладение церковью и монастырями Российской империи. СПб., 1900. Ч. 4. 38 с. 8. Рклицкий М. В. Землевладение в Полтавской губернии.—В кн.: Стат. ежегодник Полтавского губернского земства на 1908 год. Полтава, 1908, с. 269—406. Приложения, с. 42—71. 9. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. СПб., 1895. Вып. 33. 15, 23 с. 10. То же. СПб., 1893. Вып. 46. 15, 19 с. 11. То же. СПб., 1895. Вып. 48. 15, 23 с. 12. Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1906. Вып. 33. [3], 53 с. 13. То же. СПб., 1906. Вып. 47. [3], 60 с. 14. То же. СПб., 1906. Вып. 48. [3], 59 с. 15. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. СПб., 1884. Вып. 3. [11], 218 с. 16. ЦГИА СССР.

Поступила в редколлегию 11.10.83.